

Диана Уинн Джонос

Diana Wynne Jones

ПОЛ ПРИБЛИЖИ

Диана Уинн Джонс
Год грифона
Серия «Деркхольм», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141093

*Год грифона : роман / Диана Уинн Джонс ; пер. с англ. А. Хромовой. : Азбука, Азбука-Аммикус; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-08273-1*

Аннотация

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько яркие, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах.

Магический университет вновь открывает свои двери! Не упустите возможность получить интересную и редкую профессию волшебника! С нашим дипломом вы никогда не останетесь без работы! Наши преподаватели научат вас творить чудеса! Мы открыты для всех – людей, гномов, болотных жителей и представителей иных разумных видов. Добро пожаловать!

Содержание

1	5
2	21
3	32
4	42
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Диана Уинн Джонс Год грифона

Year of Griffin by Diana Wynne Jones

Text copyright © Diana Wynne Jones 2000

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The Van Lear Agency

Перевод *Анны Хромовой*

Иллюстрация на обложке *Антон Ломаяев*

Иллюстрации в тексте *Ирины Горбуновой*

© А. Хромова, перевод, 2014

© А. Ломаяев, иллюстрация, 2014

© И. Горбунова, иллюстрации, 2014 © ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,

2014

Издательство АЗБУКА®

1

Все смешалось в Магическом университете. Когда ректор Кверида решила, что она не в состоянии одновременно приводить мир в порядок и управлять университетом, она взяла своих трех кошек и поселилась в хижине на краю Пустошей, оставив университет на волшебников постарше. Волшебники постарше тут же воспользовались случаем и подали в отставку. И теперь, через восемь лет после того, как закончились туры, университетом заправлял совет сравнительно молодых чародеев и дела там шли все хуже и хуже.

– Но нужно же как-то добиться, чтобы наше заведение окупалось! – нервно говорил глава совета, волшебник Коркоран, на заседании, посвященном началу нового учебного года. – Вот мы подняли плату за обучение... В очередной раз.

– И в результате студентов стало еще меньше, – вставил волшебник Финн.

Хотя, если послушать доносящиеся со двора шум, крики и грохот разгружаемых пожитков, можно было подумать, что в университет съехалось как минимум полмира.

– Ну да, меньше, – согласился Коркоран, сверившись со списком, который лежал у него под рукой. – Но зато те, кто все-таки поступил, наверняка происходят из очень богатых семей – иначе откуда у них такие деньги? По-моему, это логично. И я предлагаю попросить денег у их родственников. Можно будет потом повесить на фасаде табличку с именами пожертвователей. Людям это обычно нравится.

Волшебник Финн переглянулся с хорошенькой волшебницей Мирной. Та скептически поджала очаровательные губки. Остальные члены совета по-прежнему молча и равнодушно взирали на председателя. Волшебник Коркоран вечно что-нибудь придумывал, да вот только из этих идей никогда ничего путного не выходило. Зато студенты Коркорана обожали. Большинство молодых людей подражали его манере одеваться (волшебник отдавал предпочтение изукрашенным рисунками или надписями футболкам из иного мира, которые он носил в сочетании с не менее пестрыми галстуками) и его прическе: пышный золотистый чуб, заче-

санный назад. Многие студентки были откровенно влюблены в своего преподавателя. «Ну да, им-то что – они у него только учатся! – угрюмо подумал Финн. – А нам с ним работать, да еще и бороться с его безумными идеями по части управления университетом!»

– На табличку денег нет, – сказал волшебник Денч, исполнявший обязанности казначея. – Даже если все студенты вовремя внесут плату за обучение, этого едва хватит на то, чтобы выплатить жалование преподавателям и прислуге и закупить провизию. На ремонт крыши и то не останется.

Но волшебник Коркоран давно привык к тому, что Денч вечно утверждает, будто денег нету. Поэтому он только отмахнулся.

– Ну, создадим памятное заклятие! – предложил он. – Пусть себе витает над Домом заклинателей или над башней обсерватории. Сделаем его прозрачным, чтобы не мешало наблюдениям.

На это никто ничего не сказал, и Коркоран добавил:

– Я могу лично этим заняться в свободное время.

Волшебники промолчали. Все знали, что свободного времени у Коркорана не бывает. Все, что не отнимало у него преподавание, – и даже часть преподавательских часов, по правде говоря, – он посвящал своим изысканиям. Коркоран мечтал попасть на Луну. Луна была его страстью. Он хотел стать первым человеком, который ступит на ее поверхность.

– Значит, на том и порешим, – сказал Коркоран. – Деньги хлынут рекой, будьте уверены. Взять хотя бы моих первокурсников. Смотрите сами.

И он взялся за список.

– Старший сын короля Лютера – наследный принц Лютерии, будущий правитель огромных владений, – принц Лукин. Следующая – сестра императора Тита. Сводная, кажется, – но все равно, неужели мы не вытрясем из Империи солидного пожертвования? Потом опять же гном. Гномы у нас никогда раньше не учились, но ведь их пещеры битком набиты сокровищами! И эта девушка, Эльда. Она дочка волшебника Дерка, который...

– Кхм-кхм... – вмешался Финн, прекрасно знавший Эльду.

– Который весьма богат и уважаем, – продолжал Коркоран. – Вы что-то хотели сказать, Финн?

– Да ничего особенного. Просто волшебник Дерк не одобряет университет, – сказал Финн, хотя на самом деле он собирался сказать совсем не это.

– Ну, очевидно, он изменил свое мнение, когда обнаружил, что у его дочери имеется дар, – возразил Коркоран. – Иначе бы он не согласился оплачивать ее обучение. Ну ладно. Значит, договорились. Мирна, вы ведь замужем за бардом. Вы умеете пользоваться чарами убеждения. Я поручаю вам написать письма родителям всех студентов, которые...

– Я... э-э... у меня есть другая идея, – вмешался волшебник Умберто, сидевший в дальнем конце стола.

Все обернулись в его сторону. Умберто был довольно молод, весьма тучен и удивительно молчалив. Считалось, что Умберто – блестящий астролог, хотя вообще-то он о своей работе ничего не рассказывал. Обнаружив, что все уставились на него, Умберто залился краской, но наконец выдал:

– Гхм... Э-э... Ну, я просто подумал, может, нам стоит это... того... сделать так, чтобы люди платили нам за различную магическую информацию? Ну, вроде как приезжали за много миль, чтобы узнать всякие тайны...

– Не мелите ерунды, Умберто! – сказал волшебник Вермахт. Вермахт был самым молодым из здешних магов и очень этим гордился. – А чем же, по-вашему, мы занимаемся сейчас?

– Но ведь мы делаем это только для студентов, – застенчиво возразил Умберто. – А я подумал – может, мы могли бы... того... продавать всем желающим гороскопы и все такое?

– Да ведь тогда все это будут уже не тайны! – пренебрежительно ответил Вермахт. – Вечно у вас каша в голове! Я бы предположил...

– Умберто, Вермахт! – вмешался Коркоран. – Вы перебиваете главу совета!

Умберто побагровел пуще прежнего. Вермахт сказал:

– Ах, простите, Коркоран! Продолжайте, прошу вас.

– Я, собственно, почти закончил, – сказал Коркоран. – Итак, Мирна разошлет родителям всех студентов письма с просьбой о пожертвовании и обещанием, что их имена будут вознесены в заклинании, причем имена тех, кто пожертвует больше всех, будут написаны в самом начале, крупными буквами. На такую просьбу они наверняка откликнутся. Вот и все. А теперь извините, мне нужно бежать. Мой последний опыт, связанный с Луной, очень сложен и требует непрерывного наблюдения.

Коркоран собрал свои бумажки и удалился из зала совета так стремительно, что, когда он уходил, галстук реял у него за плечом, точно знамя.

– Терпеть не могу этих заседаний, – сказал Финн Мирне, когда они вместе вышли в каменный вестибюль, в котором гулким эхом отдавались голоса новоприбывших студентов.

– И я тоже, – кисло кивнула Мирна. – И почему это Коркоран вечно сваливает всю работу на меня?

Финну Мирна казалась самой очаровательной женщиной, какую он когда-либо встречал. Умница, да еще и красавица вдобавок... Он не переставал надеяться, что когда-нибудь сумеет уговорить ее бросить супруга-барда и связать свою судьбу с ним, волшебником Финном.

– А куда тут денешься? – сказал он. – Умберто сидит как истукан, только глазами хлопает. Вермахт на него наскакивает, пыжится изо всех сил, а потом заискивает перед начальством. От Денча вообще толку мало. Неудивительно, что Коркоран во всем полагается на вас.

– Еще бы! – фыркнула Мирна. – Сам-то он ни о чем не думает, кроме своей Луны! Кстати, я что-то не заметила, чтобы вы вызвались взять хотя бы часть работы на себя.

– Ну, – смутился Финн, – видите ли, мое расписание...

– Как будто мне без того делать нечего! – продолжала Мирна. – Мне пришлось расселить всех студентов и преподавателей, разобраться с кухнями, с постельным бельем... А какой шум поднимется, когда обнаружится, что мне пришлось поселить дочь волшебника Дерка в концертном зале! А что поделаешь? Она такая большая, что нигде, кроме как там, не помещается. И кстати, почему она будет учиться именно у Коркорана? Почему он вечно захапывает себе самых интересных студентов?

– Вот-вот, и я о том же! – воскликнул Финн, который наконец-то нашел повод искренне посочувствовать Мирне. – Но надо вам сказать, что с большинством этих студентов я уже встречался. Я знавал их еще детьми, когда водил туры. И, сказать по правде, Коркоран еще пожалеет, что отхватил себе тех, кого счел самыми лучшими, или самыми богатыми, или по какому там признаку он их отобрал.

– Но они, вероятно, действительно самые лучшие! – возразила Мирна, которая его почти не слушала. – Я ведь и приемной комиссией тоже заведовала! Секретари чуть с ума не посходили. А уж как они разозлятся, когда им придется рассылать все эти письма! И вдобавок ко всему я недавно обнаружила, что беременна!

– О-о... – протянул Финн.

Он подумал, что теперь-то уж Мирна точно не уйдет от своего барда. Единственное, что пришло ему в голову, было:

– Ну, по крайней мере, Коркорана ждет серьезное потрясение. Когда он увидит одну из своих новых учениц...

Финн был прав. Когда Коркоран на следующее утро вбежал в аудиторию с высокими каменными сводами, он застыл на пороге и едва не раззявил рот – но сдержался. Волшебник

изо всех сил стиснул зубы. Он лучше любого другого знал, что его мужественный, благородный облик заставляет большинство студентов внимать его словам с благоговейным обожанием. Коркоран относился к своей внешности как к одному из лучших учебных пособий. Несомненно, отвисшая челюсть испортила бы все впечатление. Поэтому Коркоран сумел заставить себя улыбнуться. Но на пороге все-таки застыл.

Посреди разношерстной группы молодых людей, собравшихся в аудитории, возвышался огромный золотой грифон. «Во светится! Словно солнце!» – подумал ошеломленный Коркоран. Ему сделалось не по себе. На самом деле грифон был не такой уж огромный. Коркорану доводилось слышать, что грифоны бывают вдвое крупнее слона. А этот был всего лишь со здорового коня-тяжеловоза. Точнее – эта. Женственность сказочного создания буквально бросалась в глаза. Так вот, она была такая золотая, от перьев на голове до кончика хвоста, клюв у нее был такой мощный и острый, а взгляд огненно-оранжевых глаз такой пронзительный, что сначала создавалось впечатление, будто она заполняет собой всю аудиторию. Коркоран успел увидеть, что где-то у огромных когтей передних лап примостился гном, – и даже с негодованием отметил, что гном облачен в полный боевой доспех, – но больше ничего не разглядел. Он готов был обратиться в бегство.

Однако же, как ни крути, придется ему учить этих студентов. Мало того – ему нужно по возможности выяснить, насколько богаты их родители. Поэтому Коркоран заставил себя улыбнуться еще шире и начал свою обычную приветственную речь, которую всегда произносил перед новичками.

Студенты с интересом разглядывали волшебника, а в особенности его галстук. В это утро Коркоран повязал галстук с двумя сплетенными драконами, розовым и желтым, а на футболке под галстуком красовалась яркая надпись.

– А что такое «луноход»? – пророкотал гном.

Он, наверно, думал, что шепчет. На самом деле его было прекрасно слышно, только голос его от этого сделался особенно скрипучим и неприятным.

– Тсс, тише! – ответила грифонша. Она, видимо, тоже шептала. Звучало это как сдавленный вопль. – Наверно, это что-нибудь волшебное!

Гном, звеня кольчугой, подался вперед и пригляделся.

– Там еще что-то написано, только под галстуком не видно что, – проскрипел он. – А-а: «Бип-бип, я». Получается: «Бип-бип, я луноход». Что бы это значило?

– Это, наверно, заклинание такое, – все так же громогласно прошептала грифонша.

Коркоран понял, что этих двоих ему не перекричать.

– Ну, пожалуй, об университете пока довольно, – сказал он. – Давайте поговорим о вас. Пусть каждый из вас по очереди расскажет о себе своим коллегам. Как ваше имя, кто ваши родители, что заставило вас приехать сюда учиться. А все остальные пускай слушают, и слушают молча! Давайте, пожалуй, начнем с вас, – Коркоран указал на высокого и широкоплечего, довольно бедно одетого молодого человека, сидевшего по другую сторону от грифонши. – Нет-нет, вставать необязательно! – поспешно добавил он: унылая физиономия молодого человека залилась краской, и он неуклюже попытался выбраться из-за парты. – Наоборот, давайте усядемся поудобнее и расскажем друг другу о себе. Волноваться тут не из-за чего.

Молодой человек плюхнулся на место, но волноваться не перестал. Он нервно потербил обтрепанные лацканы своей грубой шерстяной куртки, потом поспешно положил широкие ладони на колени, чтобы прикрыть заплата.

– Меня зовут Лукин, – сказал он. – Мой отец – король Лютерии... ну, знаете, страна такая на севере... А я... э-э... его старший сын. Мой отец... как бы это сказать? Короче говоря, он не платит за мое обучение. Да у него, наверно, и денег таких нету. В любом случае,

он не одобряет моих занятий магией и... э-э... короче говоря, он против того, чтобы я тут учился. Он хочет, чтобы вся его семья жила дома, при нем.

Сердце у Коркорана упало, и, по мере того как Лукин продолжал, разочарование ректора только усиливалось.

– Понимаете, наше королевство очень бедное, – говорил Лукин. – Туры мистера Чесни его совершенно разорили. Но моя бабка – в смысле, мать моей матери – была волшебница. Может, вы о ней слышали? Ее звали Мелюзина. Так вот, я унаследовал ее дар. В некотором роде. С тех пор как мне исполнилось десять лет, со мной постоянно происходят магические несчастные случаи. И бабушка сказала, что единственное средство от этого избавиться – это получить нормальное магическое образование. И потому она оставила мне в наследство деньги на учебу. Но разумеется, с тех пор как она умерла, плата за обучение очень выросла, и мне пришлось долго копить деньги, чтобы наконец попасть сюда. Но я всерьез намерен учиться. Мне необходимо избавиться от этих несчастных случаев. Король не может позволить себе то и дело проделывать дырки в чем попало!

Под конец парень едва не плакал, – видно, проблемы у него и впрямь были нешуточные.

Коркоран и сам готов был расплакаться. Он незаметно сделал пометку в своем списке – надо будет сказать Мирне, чтобы не тратила время на письмо к королю Лютеру, – и спросил: – А что это за магические несчастные случаи, о которых вы упомянули?

Лукин тяжело вздохнул:

– Самые разные. Но самое худшее – когда речь идет о всякого рода дырах и ямах.

Коркоран понятия не имел, как можно справиться с подобным несчастьем. Может, Мирна знает? Он сделал еще одну пометку – не забыть спросить у Мирны. И ободряющим тоном сказал:

– Что ж, Лукин, вы обратились как раз туда, куда нужно. Спасибо вам. Ну а теперь ваша очередь.

И он указал на высокую и крепкую девушку, сидевшую за спиной у гнома. Девушка была одета в элегантный костюм из темной замши, ее длинные светлые волосы были уложены в замысловатую прическу, стянутую весьма дорогим на вид шарфом, так, чтобы подчеркнуть ослепительно-красивое, немного хищное лицо. Судя по надменному взору и шикарному меховому плащу, небрежно брошенному на стул позади нее, это была не кто иная, как сестра императора.

Девушка смерила Коркорана пронзительным взглядом льдисто-серых глаз.

– Меня зовут Ольга, – сообщила она.

– А дальше?

– Просто Ольга, – отрезала девушка. – Я не хочу рассказывать о себе. Мне хочется, чтобы здесь меня принимали такой, какая я есть, и оценивали исключительно по моим способностям к магии. Я с детства умею вызывать бури и создавать чудовищ.

И она откинулась на спинку стула, явно твердо решив больше ничего не сообщать.

«Значит, сестра императора желает остаться неузнанной, – подумал Коркоран. – Что ж, это ее право. В конце концов, это может осложнить ее отношения с другими студентами». Он понимающе кивнул и указал на высокого, стройного, смуглолицего юношу, которого было почти не видно за спиной Ольги и левым крылом грифонши.

– А вы?

– Фелим бен Фелим, – представился юноша, кланяясь на манер жителей Востока. – Мне тоже не хотелось бы слишком распространяться о себе. Если эмиру станет известно, что я здесь учусь, он, вероятнее всего, пришлет ассасинов, чтобы расправиться со мной. По крайней мере, он обещал, что сделает это.

– Ох ты! – сказал Коркоран. – А что, велика вероятность, что эмир вас обнаружит?

– Я рассчитываю, что нет, – спокойно ответил Фелим. – Моя наставница, волшебница Фатима, создала множество заклятий, чтобы помешать эмиру заметить мой отъезд; кроме того, она заверила меня, что обереги университета послужат мне достаточной защитой. Однако, конечно, наша жизнь – в руках богов...

– Воистину так! – ответил Коркоран и поставил напротив имени Фелима особенно жирную пометку.

Он не был знаком с волшебницей Фатимой и не разделял ее уверенности в том, что университет способен любого защитить от ассасинов. Нет-нет, надо сказать Мирне, чтобы родственникам Фелима письма не отправляла! Если те пришлют вспомоществование ассасинами, жарко придется всему университету. А жаль. Очень жаль. В Эмиратах народ богатый...

Волшебник тяжело вздохнул и указал своим пером еще на одну девушку, которая тихонько сидела за спиной у Лукина. Коркоран с самого начала решил, что это и есть дочь волшебника Дерка. Он неоднократно встречался с Дерком и каждый раз поражался, насколько неприметно тот выглядит. Просто удивительно, что человек, которому боги доверили столь ответственную миссию – привести мир в порядок после всего, что натворил тут мистер Чесни, – выглядит столь скромно. Вот и у девушки был такой же смиренный, даже, пожалуй, чуточку запуганный вид. Она была довольно смуглая, очень тощая и куталась в нечто вроде шали. На плечи ей падали змеистые локоны черных, словно бы мокрых волос. Разговаривая, девушка теребила шаль своими длинными пальцами. Коркоран готов был поклясться, что черные пряди ее волос шевелятся сами по себе. Когда волшебник обратился к ней, она тревожно взглянула на него огромными бледно-зелеными глазами.

– Меня зовут Клавдия, – хрипло сказала она. – Я сводная сестра императора Юга. Из-за меня Тит оказался в чрезвычайно сложном положении. Дело в том, что моя мать – из народа Болот, и сенат не желает признавать меня гражданкой Империи. Понимаете, моей матери было так плохо там, в Империи, что она в конце концов вернулась на Болота. И сенат считает, что я должна отказаться от гражданства, как это сделала моя мать. Но Тит этого совершенно не хочет. А когда оказалось, что магический дар, которым обладают все жители Болот, совершенно не стыкуется с магией Империи, стало еще хуже. Боюсь, что я уродилась неудачливой. В конце концов Тит тайно отправил меня сюда, ради моей безопасности. Он надеется, что здесь я узнаю, как мне избавиться от своего невезения.

Коркоран постарался не выказывать удивления. Он украдкой взглянул на Ольгу. Быть может, это она – дочь волшебника Дерка? Потом заставил себя перевести взгляд на Клавдию. Теперь он и сам видел, что в ней есть кровь болотных жителей. Эта оливковая кожа, эта худоба, которые всегда напоминали ему о лягушках... Он подумал, что, пожалуй, понимает сенат. Может, они согласятся заплатить университету за то, чтобы девушка оставалась здесь?

– А в чем проявляется ваше невезение? – осведомился он.

Худое лицо Клавдии залилось слегка зеленоватым румянцем.

– Да во всем, – вздохнула она. – Например, я даже сюда добралась с большим трудом.

«Ужас какой! – подумал Коркоран. – Настолько серьезные проблемы почти наверняка неисцелимы». Вот ведь не везет так не везет! Королевский сын без гроша в кармане, явно богатая девушка, которая не желает признаваться, кто она такая, молодой человек, за которым явятся ассасины, если его родственникам станет известно, что он здесь, а теперь еще и императорская сестрица, которая Империи совершенно не нужна! Коркоран взглянул на гнома. Ну, тут-то подвоха ждать не приходится. У гномов сокровищ в избытке, и к тому же у них есть кланы, которые всегда готовы поддержать родича.

– Ваш черед, – сказал волшебник.

Гном уставился на Коркорана. Точнее, он уставился на его галстук, слегка хмурясь при этом. Коркоран не возражал. Он предпочитал, чтобы студенты смотрели на галстук, а не

ему в глаза. Он затем и носил эти галстуки, чтобы отвлекать на них страстные взоры студентов, а самому иметь возможность втихую наблюдать за учащимися. Однако гном смотрел и хмурился так долго, что Коркорану в конце концов сделалось как-то не по себе. Рыжеватые волосы и борода этого гнома были, по гномьему обычаю, заплетены во множество тоненьких косиц, в каждую из которых были вплетены косточки и полоски красной материи. Косицы бороды были довольно жидкие и коротенькие, а физиономия, которая хмурилась на волшебника из-под стального шлема, выглядела розовой и круглощекой – одним словом, почти мальчишеской.

– Рёскин, – представился наконец гном своим странным голосом, похожим на хриплый рев боевой трубы. Коркоран про себя подумал, что у него такой голос, должно быть, оттого, что звук резонирует в широкой, квадратной гномьей груди. – Гном, клан ремонтников, из пещер Центральных пиков, явился сюда на основе освобождения по факту, снабженный апостольской силой для обучения в интересах низших сословий.

– Что вы имеете в виду? – удивился Коркоран.

Гном вскинул рыжие лохматые брови:

– То есть как – что? Разве это не очевидно?

– Для меня – нет, – откровенно признался Коркоран. – Я из всего, что вы сказали, понял только, что вы гном из пещер Центральных пиков. Повторите это, пожалуйста, еще раз, но так, чтобы вас могли понять не только гномы, но и другие разумные существа.

Гном гулко вздохнул.

– Я-то думал, что волшебникам положено все понимать с полуслова! – проворчал он. – Ну ладно. Так вот, я принадлежу к одному из самых низших сословий. Мы – ремонтники. Это понятно? Третьи снизу. Ниже нас только уборщики и точильщики. А над нами – еще шесть кланов: рудокопы, художники, конструкторы, ювелиры и так далее. И выше всех – кузнечные мастера. И все нами командуют, распоряжаются и помыкают, а также заботятся о том, чтобы мы не приобрели умений и навыков, которые могли бы дать нам те же привилегии, что и им. И вот примерно год назад, как раз в эту же пору, мы сумели наконец доказать, что это несправедливо. Сторн и Бекула – оба ремонтники, а Бекула вообще девчонка! – отковали такое волшебное кольцо, равного которому не делали до сих пор даже кузнечные мастера. Однако сокровищем это кольцо не признали – ведь они всего лишь ремонтники! Понимаете? И вот мы, ремонтники, разгневались и сговорились с уборщиками и точильщиками. Оказалось, что они тоже не раз изготавливали хорошие вещи, но даже не пытались предъявить кому-нибудь свою работу, потому что заранее знали, что сокровищем ее не признают. Это тирания, вот что это такое, чистая тирания!

– Хорошо, хорошо. Только не увлекайтесь. Просто объясните, при чем тут вы, – сказал Коркоран.

– Как при чем? Ведь я же избранный! – сказал Рёскин. И гордо улыбнулся себе в бороду. – Нужен был кто-то достаточно молодой, чтобы его не хватились, и достаточно толковый, чтобы смог учиться здесь, в университете. И наши кланы избрали меня. И вот собрались гномы всех трех кланов, молодые и старые, мужчины и женщины, и собрали по кусочку золота в качестве платы за обучение, и вложили в меня по частице своей магической силы. Так я стал апостолом. Потом я потихоньку ушел оттуда. Это мы называем освобождением по факту. И мне нужно выучиться на настоящего мага, чтобы потом вернуться обратно и стереть в порошок этих кузнечных мастеров и всех прочих угнетателей. Свергнуть старый, прогнивший строй, который давно изжил себя. Понимаете?

«А теперь еще и гномий революционер! – подумал Коркоран. – Все хуже и хуже!» Он понял, что, если Мирна отправит в Центральные пики письмо с просьбой о пожертвовании, сюда наверняка явится целая толпа разъяренных кузнечных мастеров и прочих угнетателей,

которые потребуют вернуть Рёскина и заберут его плату за обучение. Волшебник сделал еще одну пометку, напротив имени Рёскина, и спросил:

– Так вы поэтому ходите в полном доспехе?

– Нет, – ответил Рёскин. – Но я полагал, что мне надлежит явиться к своему наставнику в подобающем облачении. Разве не так?

Он еще раз окинул взглядом футболку и галстук Коркорана и снова нахмурился.

– Советую вам в будущем одеваться попроще, – сказал Коркоран. – Железо мешает магии, а тому, как с этим бороться, вас научат только на втором курсе. У вас и так будет немало проблем, раз вам придется использовать обрывки чужих магических способностей.

– Не думаю, – прогудел Рёскин. – Нам, гномам, к этому не привыкать. Мы постоянно занимаем магию друг у друга. И постоянно имеем дело с железом.

Коркоран пожал плечами и наконец обратился к грифонше:

– Ну а вы?

Все это время грифонша сидела, обращая сверкающий взор по очереди на каждого из говорящих и дрожа от нетерпения, – похоже, она не могла дождаться, когда же наступит ее черед. И теперь она буквально устремилась вперед, встопорщив крылья и подергивая хвостом, так что Фелиму с Ольгой пришлось посторониться.

– Меня зовут Эльда! – радостно сообщила она. – Я дочь волшебника Дерка. Раньше я была самая младшая, но теперь у нас появились еще двое, Анджело и Флоренция. Фло такая славная, и крылышки у нее такие розовые! Она у нас еще совсем малютка, но такая прелестная! А у Анджело крылья бурые, почти как у Калетты, только без полосочек, и он уже сейчас владеет магией! Мама говорит, что...

– Погодите, погодите! – перебил ее Коркоран. – Но ведь волшебник Держ – человек! А вы – грифонша. Как же может быть, что...

– А-а, про это все спрашивают! – солнечно улыбнулась Эльда. – Понимаете, папа нас создал. Он взял частицу себя, частицу мамы, частицу орла, частицу льва, а для меня – еще и частицу кошки, вложил все это в яйцо, и получились мы. Ну, то есть яйцо-то было у каждого свое. И вот, значит, мы – то есть я, Лидда, Дон, Калетта и Кит – мы все грифоны. А Шона и Блейд – те люди. Анджело с Фло тоже люди, только у Шоны с Блейдом крылышек нету, а у них есть. Шона – она замужем. Она с нами не живет, потому что она заведует школой бардов – знаете, этой, новой, на восточном побережье. У нее три дочки и два сына, так что я теперь тетя. А все остальные, кроме мамы, папы и малышей, поплыли сейчас на Западный материк на двух кораблях, потому что там идет война, только Лидда не поплыла, а полетела, потому что она у нас стайер и может пролететь полтора ста миль без отдыха, но папа заставил ее дать слово, что она не будет улетать далеко от кораблей, просто на всякий случай, потому что Кит и Блейд владеют магией. А Калетта, она...

– А что вы можете рассказать о себе? – перебил Коркоран, окончательно запутавшийся во всей этой семейной истории.

– Что именно? – уточнила Эльда, склонив набок золотистую орлиную голову и уставившись на волшебника круглым оранжевым глазом. – Вы хотите знать, почему мама отправила меня сюда, от греха подальше?

– Да, что-то в этом духе, – ответил Коркоран, поживившись: ему сделалось не по себе под этим пронзительным взором. – Я так понимаю, что магический дар у вас есть...

– Ну да, конечно! – весело кивнула Эльда. – Магии у меня ужасно много! И время от времени неожиданно проявляются все новые способности. Поначалу я только и могла, что снимать заклятие стасиса, но с тех пор, как у нас побывали боги, я с каждым годом могу делать все больше и больше. Мама с папой меня учили понемногу, но у них столько возни с малышами и со всем миром, что мама говорит, я вконец от рук отбилась. А когда все уплыли на кораблях, а меня не взяли, я так обиделась и разозлилась, что улетела на Пустоши

и своротила там целую гору. И тогда мама сказала: «Все, Эльда, с меня хватит. Ты поедешь в университет, что бы там ни говорил твой отец». Папа до сих пор не знает, что я здесь. Мама как раз сегодня собиралась ему об этом сказать. Думаю, будет жуткий скандал. Понимаете, папа не очень одобряет университет.

Эльда повернула голову и твердо уставилась на Коркорана другим глазом, как будто ожидала, что он попытается отослать ее домой.

Но Коркорану и в голову не могло прийти ничего подобного. От одной мысли о том, чтобы отослать куда-то грифоншу, способную своротить гору, он покрылся холодным потом. От одного вида этой птицы... – то есть львицы... то есть девицы... короче, этого существа! – у бедного волшебника подгибались колени. Он поправил галстук и прокашлялся.

– Спасибо, Эльда, – сказал он, когда к нему вернулся голос. – Я уверен, что из вас получится отличная волшебница.

И снова неудача! Коркоран сделал еще одну пометку в списке, предназначенном для Мирны. Если Дерк и так недоволен тем, что Эльду отправили сюда, вряд ли он обрадуется, получив еще и просьбу о деньгах. А за Дерком стоят боги... Ох! Значит, пятеро из шести точно отпадают.

– Хорошо, – сказал он. – Ну а теперь нам нужно утрясти наше расписание лекций и семинаров. Кроме того, я дам вам тему для реферата, который вы все должны будете написать мне к следующей неделе.

Он дал им тему – и сбежал в свою луноведческую лабораторию.

– А про луноход так ничего и не объяснил! – проворчал Рёскин, когда шестеро новичков вышли во двор, под ласковое сентябрьское солнышко, заливавшее древние стены и башни теплым золотистым светом.

– Ничего, потом объяснит, – сказал Фелим и задумчиво добавил: – А вот на Луне меня, наверно, ассасины не разыщут...

– Не факт, – возразил Лукин: он-то знал, на что способны короли и эмиры, когда им вожжа попадет под мантию. – А почему эмир хочет...

Но тут Ольга, которая по себе знала, какво хранить страшные тайны, величественно перебила его:

– А что у нас теперь? Помнится, должна была быть какая-то лекция. Или я ошибаюсь?

– Сейчас погляжу! – вызвалась Эльда.

Она сунула когтистый палец в сумку, висящую у нее на шее, выудила оттуда полученное накануне расписание и уселась на задние лапы, чтобы его изучить. На листочке уже со всех четырех концов красовались дырки от когтей.

– Семинар, – сообщила она. – Основы практической магии, волшебник Вермахт, Северная лаборатория.

– А где это? – робко осведомилась Клавдия.

– Мы еще успеем выпить кофе? – спросила Ольга.

– Нет, занятие уже вот-вот начнется, – ответила Эльда. – Северная лаборатория – это вон там, на противоположной стороне двора.

Грифонша бережно уложила расписание обратно в сумку. Она сама сшила ее, украсив собственными же золотистыми перьями, оставшимися от последней линьки. Благодаря этому сумки у нее на груди почти не было видно. Остальные пятеро студентов поглядывали на этот предмет с завистью, и большинство решили, что надо будет завести себе что-нибудь в том же духе. А то новичкам все время раздавали какие-то бумаги. Ольга хранила их в карманах мехового плаща, а Рёскин запихивал за пазуху своей кольчуги. Клавдия и Фелим оставили все бумажки у себя в комнатах – они просто не подумали, что эти бумаги могут им понадобиться, – а что до Лукина, то он все растерял.

– Надо мне быть поорганизованнее, – печально сказал он. – А то я как-то привык к слугам...

Студенты пересекли двор, миновав стоявшую в центре статую волшебника Поликанта, основателя университета, вошли под гулкие своды Северной лаборатории и обнаружили, что большинство первокурсников уже расселись по рядам и разложили перед собой тетради и блокноты.

– Ох ты! – сказал Лукин. – А что, тетради тоже нужны?

– А как же! – сказала Ольга. – А с чего ты взял, что они нам не понадобятся?

– Мой учитель меня заставлял все заучивать наизусть, – объяснил Лукин.

– Ну, тогда неудивительно, что с тобой все время происходят несчастные случаи! – прогудел Рёскин. – Экий странный способ обучения!

– Так было принято в старину, – объяснила Эльда. – Вот когда мои братья Кит и Блейд учились магии, Девкалион им тоже ничего записывать не позволял. Он каждый раз заставлял их пересказывать слово в слово все, что они выучили на прошлом уроке, прежде чем учить их чему-то новому. То-то они бесились! Особенно Кит.

– Ничего подобного в старину принято не было! – громогласно отрезал Рёскин. – Гномы всегда делали записи, составляли подробные планы и чертили схемы, прежде чем совершить какое-то магическое действие!

Под сводами лаборатории раздалась тяжелые размеренные шаги, словно в нее вошел великан. Но то был всего лишь волшебник Вермахт. Его безукоризненно отглаженное одеяние картинно развевалось. Вермахт был и впрямь высок ростом, хотя до великана недотягивал. Его волосы и маленькая острая бородка, благодаря которой длинное молодежливое лицо волшебника казалось еще длиннее, всегда были аккуратно подстрижены и уложены. Ходил он, печатая шаг, потому что это выглядело внушительно. Вермахт внушительно взошел на кафедру, внушительно достал песочные часы и внушительно установил их перед собой. А потом с внушительным видом стал ждать, когда воцарится тишина.

К несчастью, Рёскин был привычен к гулким ритмичным звукам, и особого впечатления на него они не производили. В конце концов, он с рождения жил среди мастеров, бьющих молотом по наковальне. А потому он не обратил внимания на торжественное появление Вермахта и продолжал разговаривать как ни в чем не бывало.

– Гномьи обычаи и есть самые что ни на есть старинные! Так повелось с незапамятных времен.

– Заткнитесь, вы! – повелел Вермахт.

Рёскин покосился на Вермахта. Однако надменных господ он тоже на своем веку повидал немало, а потому спокойно продолжал:

– Мы составляли рабочие записи за много веков до того, как начали записывать свою историю.

– Я сказал, заткнитесь! – прогремел Вермахт. Он врезал кулаком по кафедре так, что она затрещала, и добавил к этому магическую молнию. – Слышите, вы, маленький уродец?

Рёскин, как и все прочие, вздрогнул от грохота и вспышки, однако, услышав про «маленького уродца», он покраснел, расправил широкие плечи и поклонился с преувеличенной любезностью.

– Я вас прекрасно слышу, сударь, однако же я не успел договорить! – прогудел он. Голос его сделался таким низким, что стекла в окнах задребезжали.

– Мы собрались здесь не затем, чтобы слушать вас! – отпарировал Вермахт. – Вы всего лишь студент, как и это существо, которое вас слушает. Если вы оба, конечно, в самом деле студенты, а не забрели сюда по ошибке. Мне еще не приходилось обучать ни животных, ни карлов в доспехах. Почему вы вырядились так, будто на битву собрались?

Эльда нервно щелкнула клювом.

– Гномы всегда так одеваются! – пророкотал Рёскин.

– На мои занятия будьте любезны являться в чем-нибудь другом! – приказал Вермахт и недовольно покосился на дребезжащие окна. – Вы вообще можете контролировать свой голос?

Рёскин покраснел еще сильнее, так что лицо у него сделалось как свекла.

– Нет, не могу. Мне только тридцать пять лет, у меня голос ломается...

– Гномы не такие, как все, – пояснила Эльда.

– Что не мешает им быть такими же студентами, как и все прочие, – добавил Фелим, подавшись вперед плавно и грозно, как лезвие кинжала. – Мне кажется, волшебник Вермахт, что на данном этапе не следует делать замечаний личного характера. Все мы здесь новички, и любой из нас может в чем-то ошибаться.

Похоже, Фелим сказал именно то, что следовало. Во всяком случае, Вермахт промолчал, только вскинул брови и уставился на Фелима. А Фелим уставился на него. Как сказала потом Клавдия Ольге, в воздухе буквально слышался звон стали. Наконец Вермахт пожал плечами и обратился ко всей аудитории:

– Мы начнем наш курс с изучения десяти основных законов магии. Откройте тетради и напишите на первой странице заголовок крупными буквами: «Законы магии».

Все полезли за бумагой и ручками. Ольга принялась шарить по карманам, Эльда стала рыться в сумке, а Рёскин – за пазухой. Фелим поначалу было растерялся, но потом сунул руку в свой широкий пояс и достал оттуда какое-то письмо. Рёскин протянул ему палочку угля и был вознагражден мимолетной улыбкой. Гном так и застыл от неожиданности: узкое, довольно суровое лицо Фелима буквально озарилось. Эльда тем временем заметила, что Клавдия сидит как потерянная, и поспешно вырвала ей листок из своей тетрадки. Клавдия улыбнулась – почти так же ослепительно, как Фелим. Сперва на ее худых щеках появились две длинные складки, а потом левая складка превратилась в ямочку. Эльда попыталась дать Клавдии и ручку, но Клавдия отказалась. На вырванной страничке уже появились слова «Законы магии». Эльда удивленно заморгала.

Один Лукин по-прежнему сидел с пустыми руками.

– Ниже – заголовки помельче, нумерованные, – продолжал Вермахт. – Закон первый, «Закон влияния, или закон части и целого». Закон второй... Эй, вы там, сзади, – у вас что, феноменальная память или как? Да-да, вы, в подержанной куртке!

– Это вы мне, да? – сказал Лукин. – Извините, пожалуйста. Я не знал, что мне понадобится тетрадь.

Вермахт грозно нахмурился:

– Очень глупо с вашей стороны. Это же основы! Если вы не запишете то, что я диктую, вы просто не поймете того, что вам предстоит проходить в дальнейшем! И что же вы собирались делать?

– Я... э-э... Ну, я не знаю... В смысле, я...

Похоже, Лукин совсем смутился. Его приятное, но мрачноватое лицо побагровело даже сильнее, чем у Рёскина.

– Вот-вот! – Вермахт самодовольно погладил свою остроконечную бородку. – Ну-с, итак?

– Вообще-то, я пытался добыть тетрадь с помощью магии, – объяснил Лукин. – Перенести ее сюда из своей комнаты.

– Ах, так вы полагаете, будто уже способны совершать сложные магические действия? – осведомился Вермахт. – Ну что ж, давайте. Посмотрим, как это у вас получится. А ваши товарищи пусть подождут.

И он многозначительно взглянул на свои песочные часы.

Лукин, оскорбленный насмешкой, из багрового сделался белым. Прямо как мел, подумала Эльда, искоса глянув на него. Ее брат Блейд тоже так бледнел, когда злился. Она поспешно зашелестела тетрадкой, собираясь вырвать листок для Лукина. Но не успела она вонзить когти в бумагу, как Лукин встал и неуклюже взмахнул обеими руками.

Половина кафедры Вермахта исчезла в глубокой яме. Вермахт едва успел подхватить песочные часы и мрачно посмотрел вслед своим бумагам, которые посыпались в гулкую пустоту. Запахло сырой землей.

– Это и есть ваше представление о магии? – осведомился он.

– У меня просто не получилось, – ответил Лукин сквозь стиснутые зубы. – Я пытался добыть лист бумаги с вашего стола. Чтобы мне было на чем писать. Это было ближе.

– Тогда попробуйте еще раз! Потрудитесь их оттуда достать, немедленно! – потребовал Вермахт.

Лукин набрал в грудь воздуха и зажмурился. На висках у него выступил пот. Ольга, сидевшая рядом с ним, принялась рыться в карманах своего плаща, с тревогой поглядывая на Лукина. Ничего не произошло. Вермахт громко вздохнул, демонстрируя свое разочарование, и ястребиное лицо Ольги сделалось грозным и решительным. Она что-то прошептала.

Вдруг откуда ни возьмись над ямой возникла крылатая обезьянка. Она трепыхалась и попискивала над обломками кафедры, прямо перед носом Вермахта. Вермахт отпрянул и скривился. Студенты ахнули – сперва от удивления, а потом по другой причине: до них дошел разгоняемый крылышками обезьянки запах. От зверушки несло, как из свиного хлева. Обезьянка тем временем перекувырнулась в воздухе и нырнула в яму.

– Это и есть ваше представление о шутке? – рявкнул Вермахт на Лукина. – Эй, вы, в подержанной куртке! Откройте глаза наконец!

Лукин открыл глаза.

– Что вы...

Он запнулся: обезьянка появилась из ямы, отчаянно размахивая крылышками. В одной лапке зверушка тащила недостающую часть кафедры, в другой – упавшие бумаги. Воняла она немилосердно.

– Я тут ни при чем! – воскликнул Лукин. – Я умею только делать дыры!

Обезьянка приткнула отломанную половинку кафедры к оставшейся части, и та немедленно приросла на место. Потом она швырнула бумаги на стол, вильнула хвостом – в яме затрещало, загудело, послышалось гулкое «бумм!», похожее на грохот захлопнувшейся двери темницы, и дыра закрылась. На ее месте вновь был гладкий каменный пол, как до того, как Лукин попытался колдовать. Затем обезьянка исчезла, точно лопнувший мыльный пузырь. А вонь осталась – и, кажется, даже сделалась еще невыносимее.

Ольга, которая побледнела не меньше Лукина, молча сунула ему маленький блестящий блокнотик. Лукин уставился на крохотную книжицу, которая без труда умещалась у него на ладони.

– Но я не могу взять такую вещь! Она же очень ценная!

Обложка блокнотика была из чеканного золота с драгоценными камнями.

– Можешь, можешь! – буркнула Ольга. – Держи, пригодится. Это подарок.

– Спасибо, – сказал Лукин и снова залился краской.

Вермахт громко постучал по восстановленной кафедре.

– Ну-с? Так кто же все-таки создал эту обезьяну?

Желающих признаться не нашлось. Воцарилось длительное зловонное молчание.

– Пфе! – сказал Вермахт. Он взмахнул рукой, и все окна тотчас растворились. Волшебник аккуратно сложил свои бумаги перед собой. – Что ж, продолжаем. Пишите все: «Второй закон магии». Вы, в подержанной куртке! Вас это тоже касается.

Лукин медленно сел на место и осторожно достал маленькую золотую ручку, вложенную в корешок роскошного блокнотика. Он открыл блокнот – и золотые петли пропели нежную ноту. Вермахт нахмурился. А Лукин принялся писать на белоснежной первой странице аккуратным мелким почерком.

Дальше занятие шло без особых происшествий, разве что все студенты здорово продрогли из-за сквозняка. По истечении часа Вермахт собрал свои бумаги, взял часы и удалился столь же торжественно, как вошел. Первокурсники вздохнули с облегчением и толпой хлынули во двор. Всем ужасно хотелось знать, кто же все-таки создал эту обезьянку.

– Кофе мне, кофе! – жалостно возопила Ольга из толпы. – Теперь-то у нас, надеюсь, есть время попить кофейку?

– Есть, – ответила Эльда, сверившись с расписанием. – Только мне понадобится соломинка, я без нее пить не могу.

Все шестеро взяли по чашечке кофе и устроились на крыльце столовой, укрывшись в защищенном от ветра уголке. Утро еще не кончилось, а они уже каким-то образом успели сдружиться.

– Знаете, – задумчиво произнес Фелим, – волшебник Вермахт мне совершенно не нравится. Искренне надеюсь, что нам не придется с ним встречаться чаще чем раз в неделю.

– Зря надеешься, – сказала Ольга, которая как раз расстелила на коленях свое мятое расписание. – Мы снова увидимся с ним после обеда. Он и травознательство тоже ведет.

– И еще основы обрядовой магии, – обнаружила Эльда. Она пригвоздила свое расписание к плитам крыльца правой лапой. В левой она ухитрилась держать одновременно соломинку и чашечку с кофе. – А обрядовая магия у нас три раза в неделю!

Рёскин вытащил из-под кольчуги свое расписание и принялся угрюмо его изучать.

– И не только ее! Он ведет еще и демонологию, и драконоведение. Он буквально везде! И введение в теорию магии тоже – а оно у нас дважды в неделю!

– Боюсь, не стоит и надеяться, что он нас не запомнил, – сказал Лукин, поглаживая округлые камушки на переплете блокнота.

– А может, он вовсе не мстителен? – предположила Клавдия. – Просто у него плохо с чувством юмора...

– На что поспорим? – проворчал Рёскин. – Лукин, нельзя ли мне взглянуть на твой блокнот? Только на минутку...

– Конечно, – сказал Лукин и протянул блокнот гному. – Ну, предположим, с его точки зрения, я был для него серьезным испытанием. Но все же он явно имеет привычку цепляться к людям. Даже странно. Когда я впервые увидел волшебника Коркорана, то подумал, что это его я буду ненавидеть больше всех. Ха! Да он просто глупый пустозвон в дурацком костюме.

– О да! – согласилась Ольга. – Такой позер!

– Но он совершенно меркнет по сравнению с этим Вермахтом! – кивнул Фелим. – Несмотря на галстук и все такое прочее.

– Как вам не стыдно! – воскликнула Эльда и нервно хлестнула хвостом по ступенькам. – Как вы можете так говорить о волшебнике Коркоране! Он такой лапочка! Я в него просто влюбилась!

Все одноклассники грифонши уставились на нее. И не только они. Голос у Эльды был мощный, так что ее слышал весь двор.

– Эльда, ты уверена? – осторожно осведомилась Клавдия.

– Конечно же уверена! Я решительно влюблена! – твердо ответила Эльда. – Мне просто хочется взять и прижать его к груди!

Первокурсники посмотрели на Эльду. Они представили Коркорана, трепыхающегося в мощных лапищах Эльды, с развевающимся галстуком... Ольга прикусила губу. Лукин поперхнулся кофе. Фелим поспешно отвернулся и стал смотреть куда-то в небо. Клавдия, приученная прежде всего думать об осторожности, вспомнила, что Коркоран волшебник, и сказала:

– Пожалуйста, Эльда, не надо этого делать.

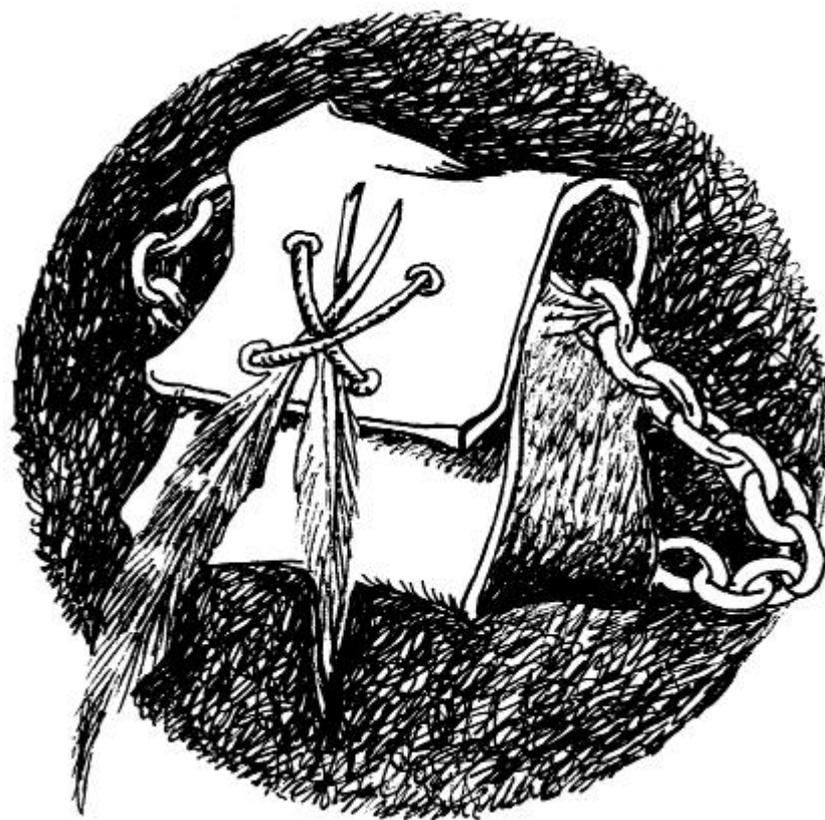
– Конечно, я бы и не осмелилась, – печально сказала грифонша. – Просто он так похож на моего старого плюшевого мишку, с которым теперь играет Фло! Но я буду умницей. Я буду лишь вздыхать о нем и смотреть на него украдкой. Я только не хочу, чтобы вы его ругали.

– Ну, это справедливо, – согласился Рёскин. – Страдай, если хочешь. В своих мыслях каждый волен. Держи. – Он протянул блокнотик обратно Лукину. – Смотри береги его. Это гномья работа. И старинная к тому же. В блокноте чувствуются какие-то тайные свойства, но какие – я разобрать не могу. Типичное сокровище.

– Тогда я, наверно, лучше его тебе верну, – виновато сказал Лукин Ольге.

Девушка высокомерно тряхнула головой:

– Еще чего! Это же подарок.

2

Прошла неделя, но первокурсникам Коркорана она показалась месяцем – столько им пришлось всего делать и так много нового они узнали! Они ходили на лекции, которые читали Мирна, Финн и другие волшебники. Они блуждали по библиотеке, разыскивая книжки, которые поручал им читать Коркоран, и даже кое-что находили. Они бегали из аудитории в аудиторию, из лаборатории в лабораторию, исписывали целые тетради конспектами, а по вечерам еще пытались писать рефераты. Но сутки, казалось, растянулись втрое, так что новички даже ухитрились выкраивать немного свободного времени. А в свободное время каждый находил себе развлечение по душе. Рёскин увлекся настольным теннисом и играл как черт. Ольга вступила в клуб гребцов и теперь каждое утро вставала ни свет ни заря и бежала на озеро, откуда возвращалась только к завтраку, голодная как волк. Она с каждым днем все больше походила на хищную королеву и выглядела такой здоровой, что Клавдии становилось не по себе. Сама Клавдия по утрам чувствовала себя отвратительно. Она предпочла вступить в университетский хор, собиравшийся во второй половине дня. Фелим занялся фехтованием. Лукин и Эльда выглядели на редкость спортивно, но на самом деле никакой особой любви к спорту не испытывали. Они вступили в клуб шахматистов и часами просиживали за маленьким столиком, погружившись в размышления, вместо того чтобы зубрить травники, бестиарии или перечни драконов. Оба были прекрасными шахматистами, и оба мечтали когда-нибудь обыграть друг друга.

Еще до конца этой недели всем сделалось ясно, что Лукин и Ольга созданы друг для друга. Они подолгу гуляли, держась за руки, или сидели и беседовали где-нибудь в уголке. Ольга перестала подвязывать волосы шарфом – за исключением того времени, когда занималась греблей. Ее приятели поначалу думали, что ей просто понравилось пропускать свои длинные светлые волосы сквозь пальцы или картинно встряхивать ими, но потом заметили, что Лукин частенько, уловив удобный случай, протягивает руку и украдкой поглаживает

густые пряди. А Ольга, в свою очередь, любовалась его мрачноватым профилем и широкими плечами, – разумеется, когда сам Лукин этого не видел. По всей видимости, она одолжила ему немного денег. По крайней мере, вскоре Лукин стал ходить в новой – ну почти новой – куртке и незалатанных штанах. Что, впрочем, не мешало Вермахту по-прежнему звать его «Эй, вы, в подержанной куртке!».

Они обнаружили, что Вермахт принципиально не запоминает имен студентов. К примеру, Рёскин так и остался либо «Эй, вы, громогласный!», либо «Эй, вы, в доспехах!», хотя после первого дня Рёскин в доспехах уже больше не ходил. Он теперь носил тунику – которая, на взгляд Эльды, была бы широковата даже Лукину, однако на могучей гномьей груди сидела в обтяжку, – и штаны, которые были бы коротковаты даже Анджело, младшему братишке Эльды. Зато Рёскин, очевидно желая как-то компенсировать отсутствие доспехов, вплетал теперь в волосы и бороду вдвое больше косточек, чем раньше. Как говорила Клавдия, его издалека было слышно по характерному перестуку.

Никто больше романов пока не завел, хотя все знали, что Рёскин то и дело бегаёт в расположенный по соседству Дом целителей попить чайку с высокой девушкой-первокурсницей: они познакомились на лекциях по травознанию, которые вел все тот же Вермахт. Начинаящим целителям их было положено слушать вместе с начинающими магами. Рёскин пребывал в восторге от этой девушки, и его нимало не смущало, что ростом он ей по пояс. Да еще Фелим дня два не расставался с ослепительно-прекрасной первокурсницей по имени Мелисса, с которой они виделись на теории магии (ее читал все тот же вездесущий Вермахт), пока его одноклассники не взвыли.

– Но, Фелим, ведь она же абсолютно тупая! – говорила Ольга.

– Вот-вот, – кивнул Лукин. – Статуя волшебника Поликанта и та умнее.

– Она только и может, что кокетничать и мило улыбаться! – подтвердила Эльда. – Нет, наверно, какой-то ум у нее есть, иначе бы она тут не училась, но я этого ума пока не заметила. А ты, Клавдия, что думаешь по этому поводу?

– Я думаю, что она просто мило улыбнулась тому, кто ее принимал, – ответила Клавдия, поразмыслив. – Волшебнику Финну, например. Он на такие штуки ужасно податлив.

– В самом деле? – спросил Фелим у Клавдии. – Так ты думаешь, она дура?

– Непроходимая, – кивнула Клавдия. – Совершенно безнадежная дура.

Советов Клавдии уже привыкли слушаться – все знали, что она слов на ветер не бросает. Фелим тяжело вздохнул и стал видеться с Мелиссой реже.

Новички прислушивались и к сплетням, что ходили по университету. Вскоре уже ни для кого не было секретом, что волшебник Коркоран одержим полетом на Луну. Эльда каждый раз усаживалась так, чтобы видеть, как Коркоран бежит в свою луноведческую лабораторию и очередной сногшибательный галстук полощется у него за плечом.

– Как жалко, что я ничем не могу ему помочь! – говорила она, усаживаясь на задние лапы и ломая когтистые пальцы передних. – Мне так хочется, чтобы он все-таки попал на Луну! Он такой лапочка!

– Нашла бы себе лучше грифона, своего ровесника, – сказала ей Ольга.

– Так ведь нету таких! – ответила Эльда. – А потом, грифона так просто к груди не прижмешь!

Некоторое время Коркорана так и звали – «Эльдин медвежонок».

Что же касается самого Коркорана, для него эта неделя прошла как обычно – ну разве что чуть быстрее обычного. В его лаборатории проводилось так много важнейших магических экспериментов, а строительство лунного корабля продвигалось так медленно, что волшебник жалел о каждой минуте из тех четырех часов, что ему приходилось тратить на чтение лекций. Попасть на Луну само по себе не так уж просто. А ему вдобавок все никак не удавалось определить, есть ли там воздух. Между тем отдельные эксперименты показывали,

что в безвоздушном пространстве такие мягкие субстанции, как человеческая плоть, имеют тенденцию портиться. По крайней мере, персики просто лопались. За эту неделю Коркоран взорвал столько персиков, что вспомнить было страшно. Наступала осень, персики дорожали. Новая партия, которую заказал Коркоран, обошлась ему вдвое дороже предыдущей. «А что, если... – думал Коркоран, стремительно шагая на лекцию к первокурсникам. – А что, если отказаться от заклинаний и просто заключить каждый персик в железный чехол? Но тогда, значит, и мне тоже понадобится железный чехол! Хорош же я буду на Луне – весь закованный в доспехи, точно этот гном!»

Тут он с размаху налетел на волшебницу Мирну, которая торопилась в противоположную сторону. И если ни тот ни другая не ушиблись, то только благодаря защитному заклинанию, которое поспешно создала Мирна. Коркоран отлетел к стене, рассыпав книги и бумаги.

– Ох, извините! – сказал он. – Снова я витаю в облаках!

Коркоран наклонился, чтобы собрать бумаги. Ему попался на глаза какой-то список студентов. Интересно, зачем он его составил? Ах, да! Очень удачно, что Мирна тут рядом, хотя и слегка ошеломленная.

– Кстати, Мирна, – сказал Коркоран, – насчет тех писем, что я просил вас разослать родителям новых студентов...

Мирна зажмурилась, чтобы не видеть Коркоранова галстука. Он был сплошь разрисован ядовито-зелеными пальмами, переплетающимися с ярко-розовыми купальщицами. А ее и так всю неделю тошнило по утрам.

– С просьбой о вспомоществовании для университета, – закончила она. – Не беспокойтесь, я все отправила. На следующий же день после заседания.

– Как?! Все-все? – переспросил Коркоран.

– Да-да, – ответила Мирна. – Мы как раз получили большую партию разумных почтовых голубей волшебника Дерка, так что с этим проблем не возникло...

Она наконец открыла глаза:

– А в чем дело? Что-то случилось? Эти птицы всегда долетают туда, куда их послали...

– Да, я знаю, – угрюмо сказал Коркоран. – Нет-нет, ничего не случилось. Все в порядке. Да-да. Я просто немножко ушибся. С вами-то все в порядке? Вот и хорошо.

И зашагал дальше. Ему было сильно не по себе. Но поскольку он, очевидно, решительно ничего не мог поделать с тем фактом, что письма уже отосланы, его тревога вскоре развеялась. Коркоран еще не успел дойти до конца коридора, как убедил себя, что родная кровь – не водица и что больше половины этих благородных семеек будут так благодарны университету за весточку о пропавших отпрысках, что денег, наверно, все равно пришлют. А к тому времени, как Коркоран дошел до аудитории, он уже забыл о письмах и думал только о лопающихся персиках.

Семинар от него особого внимания не требовал: Коркоран проводил его столько раз, что мог бы все отбарабанить, даже стоя на голове. Он собрал обычные шесть рефератов на тему «Что представляет собой магия волшебников» и продолжил разговор об общераспространенной теории магии, не переставая тем временем думать о своем. Однако даже он заметил, что его студенты неплохо продвинулись, несмотря на то что прошла всего неделя. Все активно участвовали в дискуссии и высказывались почти разумно. Все, кроме грифонши, – та сидела и молча пялилась на Коркорана. Ну что ж поделаешь. Так уж всегда бывает – в каждой группе непременно окажется молчун. Хотя Коркоран думал, что это будет та тощая девушка, Клавдия, а не грифонша. По правде говоря, от пристального взгляда оранжевых глаз грифонши у волшебника мурашки ползали по спине. В какой-то момент, приводя пример пассивной защитной магии, Коркоран помянул плюшевого медвежонка, и почему-то все, даже грифонша, разразились хохотом. Волшебник так и не понял почему. Однако, судя по всему, группа была дружная. Они даже не попытались возразить, когда Коркоран снова дал

им ту же самую тему для реферата. Он всегда так делал, чтобы лишний раз не напрягаться. А студентам не повредит – пусть еще подумают. И Коркоран, очень довольный, убежал к себе в лабораторию прятать персики в пушечные ядра.

Студенты его тем временем вышли во двор и вместе с прочими первокурсниками потянулись в Северную лабораторию, где вскоре послышались величественные шаги волшебника Вермахта. Волшебник Вермахт взошел на кафедру, огладил свою бородку и окинул презрительным взглядом всех присутствующих, включая Лукина и Рёскина.

– Надеюсь, сегодня никаких ям, рева и обезьян не будет, – изрек Вермахт. Всю прошедшую неделю он говорил это на каждом занятии, иногда даже по два раза на дню.

Фелим нахмурился, Ольга сердито хмыкнула, Рёскин с Лукином скрипнули зубами, а Эльда громко щелкнула клювом. Клавдия же просто вздохнула. Прочие студенты, как обычно, заерзали и зашептались. Всем казалось, будто Вермахт говорит это уже не первый год.

– Достаньте тетради, – распорядился Вермахт. – Сегодня вам потребуются линейки – под первым крупным заголовком нужно начертить схему.

Линеек ни у кого не было. Но студенты кое-как обошлись краями парт – это было проще, чем нарываться на очередной скандал. Пока что им удавалось обходиться без скандалов благодаря тому, что все вели себя тише воды ниже травы. Однако Лукин сидел белый от гнева, а Рёскин был весь пунцовый. Гном даже начал бормотать: «Угнетатель!» – еще до того, как верхняя колба часов опустела и тяжелые шаги Вермахта затихли вдалеке.

– Обыкновенное хамство, вот как это называется! – в сердцах бросил Лукин, когда они вышли во двор. – Лично у меня уходит столько сил на то, чтобы держать себя в руках, что на саму учебу меня уже не хватает!

Ольга погладила его по руке и повела через двор пить кофе. Ольга пила кофе литрами. Она говорила, что чувствует себя хорошо, только если в ее жилах течет кофе вместо крови.

– А во второй половине дня нам опять придется слушать этого урода! – печально добавил Лукин.

Прикосновение Ольги его утешило, но не совсем.

– Да, а до того еще обед, – заметила Клавдия. – А здешние обеды, пожалуй, даже хуже Вермахта.

Прочие застонали. Из всех студентов Коркорана Клавдия, пожалуй, больше всех страдала от здешней жуткой кормежки. Она-то привыкла к еде с императорского стола и к изысканным, пикантным кушаньям из растущих в Болотах водорослей. Но Рёскин утверждал, что гномы тоже питаются изысканно, даже низшие сословия, а Фелим добавлял, что и у них, в Эмиратах, любят хорошо покушать. Эльда тосковала по свежим фруктам, Ольга – по свежей рыбе. Одному Лукину было, в общем-то, все равно. У себя в нищей Лютерии он кормился немногим лучше, чем в университетской столовой.

– Но, по правде говоря, – признался Лукин, когда они проталкивались через толпу на крыльце столовой, – я бы отдал все отцовское королевство за нормальную овсяную лепешку!

– Овсяную лепешку! – с отвращением воскликнула Клавдия.

– Много ты понимаешь! – возразила Ольга. – Мало что на свете сравнится с настоящей овсяной лепешкой!

Сейчас ее северный акцент сделался особенно заметен. Так всегда бывало в тех немногих случаях, когда Ольга говорила о чем-то, что имело отношение к ее родине.

– Добудь мне очаг и сковородку, Клавдия, и я ее испеку!

– Испеки, сделай милость! – попросил Лукин.

Стоял один из тех удушливо-жарких дней, что порой случаются ранней осенью. И казалось, все студенты до единого высыпали во двор и расселись на крыльце столовой. А потому Ольга поставила шесть чашечек с кофе на поднос и повела своих одноклассников к статуе

волшебника Поликанта. Все устроились на пьедестале, за исключением Эльды, которая разлеглась у ног своих товарищей. Грифонша то наклонялась и потягивала кофе через соломинку, то поднимала свой золотистый клюв и принюхивалась к осенним запахам, которые приносил из-за города слабый, ленивый ветерок. Ветерок пах грибами и соломой, и эти ароматы отчего-то будоражили Эльду; она и сама не знала, в чем тут дело, но тем не менее ее хвост все время подергивался.

– Очаг и сковородку... – сказала Клавдия. – Все это добыть нетрудно, если только мое невезение мне не помешает. Странно все-таки: ведь тут, в университете, множество магов! Неужели никто из них ни разу не пытался сделать здешнюю еду хоть чуточку повкуснее?

– А это мысль, – пророкотал Рёскин, который сидел и болтал ногами, не достававшими до низа пьедестала. – Непременно так и сделаю, только сперва надо узнать как. Обещаю и клянусь. Жаркое на углях и мидии с чесночком. А?

– И свежеевыловленную форель с зеленым соусом! – мечтательно вздохнула Ольга.

– А я никогда не ела мидий, – сказала Эльда. – Они вкусные?

– Тебе понравятся, – заверил ее Фелим. – Твой клюв прямо создан для того, чтобы открывать ракушки.

– И пирог с курятиной! – сказала Клавдия. – А что на десерт?

– Клавдия, прекрати эти разговоры о еде, – попросил Лукин. – Ты лучше скажи, что мне с Вермахтом делать. Если он еще хоть раз назовет меня подержанной курткой, боюсь, я не удержусь и разверзну у него под ногами дыру в милю глубиной.

– Да-да, – согласилась Эльда. – А если он еще хоть раз назовет меня животным, я его укушу!

– Надо подумать.

И Клавдия наклонилась, обхватив обеими костлявыми руками острое колено. Глаза у нее сделались совсем зеленые, как всегда, когда она впадала в задумчивость. Ее волосы, унаследованные от матери-болотницы, казалось, зажили собственной жизнью: каждая черная прядь извивалась, точно и впрямь была живая. Ее одноклассники хранили почтительное молчание. Они уже знали, что, когда Клавдия так выглядит, это значит, она вот-вот скажет что-то очень ценное.

– Я слышала, – сказала она наконец, – что волшебник Вермахт – самый молодой из преподавателей университета. Подозреваю, он этим ужасно гордится. Я думаю, что он довольно несчастный человек.

– Несчастный! – взревел Рёскин. Студенты, сидевшие на крыльце столовой, вздрогнули и обернулись в его сторону. – Я щас расплачусь!

– Ну, я имею в виду, что он довольно жалок, – пояснила Клавдия. – Расхаживает такой весь из себя величественный, будто статуя, считает себя самым умным и даже не замечает, что прочие волшебники попросту сваливают на него всю работу. Как вы думаете, отчего мы встречаемся с ним каждый день, да иногда еще и не по одному разу? Да просто потому, что волшебники постарше понимают, какая это тяжелая, нудная работа – вдалбливать основы магии в голову первокурсникам. И они предоставляют это Вермахту, потому что он слишком глуп, чтобы осознать, что это никакая не честь. Вот что я имела в виду, говоря, что он несчастный.

– М-да, – сказал Лукин. – Да, пожалуй, ты права. Но не думаю, что это остановит меня надолго.

Тут его массивное лицо озарилось улыбкой, и он обнял Ольгу за плечи.

– Если он выведет меня из себя, я, наверно, скажу ему, что ему навешали лапши на уши и эксплуатируют!

Ольга прислонилась щекой к плечу Лукина:

– Хорошая идея.

Остальные наблюдали за ними с дружелюбным интересом, как и всю эту неделю. Ольга была прекрасна. Лукина можно было назвать красивым. Оба они прибыли с севера. Можно сказать, идеальная пара. Но с другой стороны, Лукин был наследным принцем. И все, даже Рёскин, который до сих пор еще не освоился с человеческими обычаями, немного тревожились за Ольгу. Эльда раскрыла было клюв, собираясь как-нибудь потактичнее спросить, что скажет насчет Ольги король Лютер, но тут во дворе раздался гулкий цокот копыт. Откуда бы это?

С крыльца столовой донеслось восхищенное «ух ты-ы!».

– А разве здесь не запрещено ездить верхом? – удивился Фелим.

Эльда же учуяла знакомые запахи. Она захлопнула клюв, вскочила и с радостными воплями понеслась в обход статуи. На безлюдной части двора за статуей показался великолепный гнедой жеребец, который, пробежав несколько шагов, остановился и теперь бережно складывал огромные рыжие крылья. Всадник терпеливо дождался, пока конь сложит длинные маховые перья, потом перекинул обе ноги через одно из крыльев и соскользнул на землю. Это был высокий, довольно неуклюжий на вид человек.

– Папочка! – завопила Эльда и бросилась ему на шею.

Дерк успел вовремя укрепить себя несколькими заклятиями – он ими пользовался регулярно – и устоял на ногах. Разве что слегка пошатнулся. Его окутали золотые перья, Эльдины когти вцепились ему в плечи, а гладкий прохладный клюв ткнулся в ухо.

– О владыки! – сказал конь. – А что, если бы я так себя вел, а?

– Денди, не хами! – осадил его Эльда через плечо Дерка. – Я папочку целую неделю не видела. А ты его каждый день видишь. Папа, как ты сюда попал?

– Тебя повидать прилетел, а ты как думала? – сказал Дерк. – Я бы и раньше тебя навещил, но решил дать тебе недельку, чтобы обжиться тут. Ну и как тебе здесь, нравится?

– Тут чудесно! – восторженно воскликнула Эльда. – Я узнала столько нового! Ну, правда, кормят здесь ужасно, и один из главных преподавателей очень противный, но зато мне дали целый концертный зал, и я там теперь живу, потому что все остальные комнаты для меня очень маленькие. А еще у меня появились друзья, вот! Пошли, я тебя познакомлю!

Она разжала объятия и потащила Дерка за руку вокруг статуи Поликанта. Дерк улыбнулся и не стал сопротивляться. Денди, конь ужасно любопытный, поцокал следом за ними и стал смотреть, выглядывая из-за пьедестала.

Дерк пожал руку Ольге, потом Лукину, которого он прекрасно знал.

– Здравствуйте, ваше высочество. Что, ваш батюшка все же решил отпустить вас из дома?

– Да нет, вообще-то, – признался Лукин, довольно смущенный. – Но я здесь учусь на свои деньги. А как ваши летающие свиньи, сэр?

– Всюду лезут, как всегда, – сказал Дерк.

Он пожал руку Фелиму:

– Здравствуйте, молодой человек. Мы с вами нигде раньше не встречались?

– Нет, сударь, – твердо ответил Фелим.

– Ну, извините. Значит, вы ужасно похожи на кого-то, кого я знаю, – сказал Дерк и обернулся к Клавдии. – Клавдия, вы? Благие боги! А ведь в последний раз, когда мы виделись, вы были совсем малышкой! И жили на Болотах с вашей матушкой. Вы меня помните?

Лицо Клавдии озарилось счастливейшей улыбкой, и ямочки у нее на щеках сделались особенно глубокими.

– Помню, конечно! Вы прилетели к нашему дому на прекрасной вороной крылатой лошади.

– Это Красотка, моя бабушка! – вставил Денди, положив подбородок на остроносые башмаки Поликанта.

– Надеюсь, она еще жива? – спросила Клавдия.

– Жива и прекрасно себя чувствует для двенадцатилетней кобылы! – сообщил Денди. – Она говорит гораздо хуже, чем я. Сейчас на ней обычно ездит Мара.

– Да, помнится, я с трудом ее понимала, – сказала Клавдия. – Она выглядела очень усталой. И вы тоже, – добавила она, обращаясь к Дерку. – Усталым и озабоченным.

– Ну, я ведь тогда работал Темным Властелином, – сказал Дерк. – А народ вашей матушки отнюдь не стремился мне помогать.

Он обернулся к Рёскину:

– А вы, значит, гном? И учитесь на мага? Вы, кажется, будете первым магом среди гномов. Насколько мне известно, до сих пор такого не бывало.

Рёскин, не вставая, слегка поклонился:

– Да, верно. Я намерен сделаться первым магом среди гномов. Лишь волшебство способно разбить узы, которыми кузнечные мастера сковали общество Центральных пиков!

Дерк призадумался.

– Я уже давно пытаюсь что-нибудь с этим сделать. При нынешнем положении вещей множество талантливых гномов прозябают в безвестности. Однако эти ваши кузнечные мастера – самые твердолобые, жестокосердые и упрямые существа, с какими я когда-либо встречался. Знаете что? Закончите университет – приходите ко мне. Попытаемся что-нибудь придумать вместе.

– В самом деле? – просиял Рёскин. – Вы серьезно?

– Ну разумеется! Стал бы я шутить в таком деле, – сказал Дерк. – Чему Квериди меня научила, так это тому, что революция должна быть хорошо продуманной... Да, кстати!

Эльда все это время возвышалась за спиной отца, очень довольная, что он так хорошо сошелся с ее друзьями. Но тут она вскинула ему на плечи обе густо оперенные передние лапы, так что волшебник немного присел.

– Папочка, ты ведь не против, чтобы я тут училась? Ты мне позволишь остаться?

– Ну-у... – протянул Дерк. Он высвободился из хватки своей доченьки и уселся на постамент, рядом с любопытной мордой Денди. – Видишь ли, Эльда, я должен признаться, что мы с Марой слегка повздорили из-за этого вопроса. Честно говоря, мы грызлись несколько дней подряд. Твоя мать заявила мне, что у тебя способности и что в твоём возрасте любой имеет право сам распоряжаться своей жизнью. Кроме того, она сказала, что ты уже достаточно большая, чтобы при желании перекинуть меня через крышу сарая.

– Что ты, папочка, я такого ни за что не сделаю! – воскликнула Эльда. Потом призадумалась. – Ну, то есть, если ты мне позволишь тут остаться... Ты ведь разрешишь, правда?

– Я, собственно, в основном поэтому и приехал, – сказал Дерк. – Конечно, если тебе тут нравится и если ты уверена, что тебя тут научат чему-то полезному, оставайся на здоровье. Но мне нужно серьезно поговорить с тобой о том, чему и как тебя здесь будут учить. И вы все тоже послушайте, – сказал он остальным пяти. – Это важно.

Все шестеро кивнули и обратились в слух.

– Так вот, – продолжал Дерк. – Много-много лет – целых сорок, если быть точным, – университет, можно сказать, служил одной-единственной цели: готовил волшебников-гидов для туров мистера Чесни. К тому же мужской части преподавателей вечно не доставало времени: им самим тоже приходилось работать гидами каждую осень, когда начинались туры. И потому они мало-помалу стали сокращать учебные курсы. Через несколько лет они уже практически не учили ничему, кроме того, что требуется, чтобы провести толпу людей, не владеющих магией, через самые опасные земли нашего мира. А всё, чему они учили, были наиболее простые и надежные, действенные вещи. Им пришлось отбросить половину теории и даже часть законов магии, а также все заклинания и чары, занимающие много времени, требующие более тщательной проработки или воображения. И в первую очередь студентам

внушали, что не следует ничего выдумывать. Ну, их можно понять. Представьте, что будет, если волшебник, который ведет через Пустоши двадцать человек, нуждающихся в защите, вдруг забудет обо всем на свете, потому что изобрел новый способ делать алмазы! Стоит появиться какому-нибудь чудовищу – и все его подопечные погибнут. Мистер Чесни таких вещей не допускал. Так что старые волшебники были по-своему правы. Но факт остается фактом: в течение сорока лет здесь учили не так, как следует.

– Но, сударь, мне кажется, теперь все эти старые волшебники ушли в отставку! – заметил Фелим.

– Ушли-то они ушли, – согласился Дерк. – Повыхохлись, состарились... Но вы так ничего и не поняли. А ведь шесть таких толковых студентов, как вы, должны были бы сразу догадаться!

– Я уже догадался! – гордо сообщил Денди, самодовольно грызя удила. – Те, кто учит сейчас, учились у старых волшебников!

– Вот именно! – сказал Дерк.

А студенты загалдели:

– Теперь все ясно!

– Вот оно!

Ольга заметила:

– Да, тогда понятно, что не так с волшебником Вермахтом.

– Ну да, ну да, – сказала Клавдия. – «Напишите заголовок крупными буквами» и так далее. Прямо как в школе. Это потому, что он больше ничего и не знает. Я ведь говорила, что он жалок!

– Он бегаёт в шорах! – остроумно добавил Денди.

– Значит, все напрасно! – скорбно воскликнула Эльда. – Я с тем же успехом могу вернуться домой!

Судя по лицам, все остальные думали точно так же.

– Ну-ну, – успокоил их Дерк, – не надо кидаться в крайности. Кто ваш наставник?

– Коркоран, – сказала Эльда.

Остальные с интересом отметили про себя, что насчет плюшевого медвежонка и всего прочего она Дерку ничего не сказала.

– А-а, это тот, который мечтает попасть на Луну? – сказал Дерк. – Что ж, возможно, это заставит его немного расширить кругозор и прийти до кое-каких новых идей. Хотя, вполне вероятно, вам он о них ничего не скажет. Так вот, помните, что, помимо любого способа делать то или это, о котором он вам расскажет, существует еще десять, о которых он промолчит, потому что о половине из них он и сам не слышал. То же самое касается правил, законов и теории. Не забывайте, разновидностей магии больше, чем птиц в небесах, и каждая из ее ветвей может вести в ста разных направлениях. Проверяйте на опыте все, чему вас учат. Пробуйте так, пробуйте сяк, а потом попытайтесь найти новый способ сделать то же самое. В библиотеке есть достаточно старые книги, которые могут вам помочь, если только вы сумеете их найти. Для начала очень полезно почитать «Философию магии» Поликанта. А потом – задавайте вопросы. Пусть ваши наставники тоже думают. Им это пойдет на пользу.

– Здорово! – пробормотала Ольга.

– Жалко, что ты не приехал чуть пораньше, прежде чем я сдала свой реферат, – сказала Эльда. – Я бы все написала по-другому.

– Я тоже, – кивнул Фелим.

А Лукин с Рёскином торопливо строчили в своих блокнотах: «Поликант, „Фил. маг.“». Потом гном поднял голову и взглянул на волшебника из-под лохматых рыжих бровей.

– А еще какие старые книги?

Дерк перечислил несколько магических трудов. Все остальные тоже достали бумагу и принялись строчить, выжидательно вскидывая голову после каждого названия. Дерк прятал улыбку, встречаясь взглядом с пронзительно-голубыми глазами Рёскина, горящими черными глазами Фелима, прозрачно-зелеными глазами Клавдии, похожими на живые лампы... «Сразу видно, что она из Болотного народа», – сказал себе Дерк, перевел взгляд и заглянул в удлиненные, пронизательные серые глаза Ольги и очень похожие на них глаза Лукина. Обе пары глаз возбужденно горели. «Похоже, заварил я кашу!» – подумал Дерк без малейшего раскаяния. Потом поднял голову и посмотрел на Эльду. Тут ему стало немножко стыдно. Девочка ему так доверяет...

Но оранжевые глаза, смотревшие на него, были взрослыми и достаточно мудрыми. Дерк припомнил, что Эльда уже не раз смотрела так на него в последнее время.

– Хулиганишь, папочка? – спросила грифонша.

– Веду подрывную деятельность, дочка, – поправил ее Дерк. – Да, кстати! Твоя мать мне напомнила, что в наше время кормили здесь препаскудно. Думаю, и сейчас лучше не стало. Денди!

Денди послушно описал задними ногами полукруг и встал мордой к статуе, а к волшебнику боком. У седла была приторочена большая корзина с крышкой. Дерк снял ее, открыл – и наружу хлынул головокружительный аромат фруктов.

– Апельсинчики! – радостно возопила Эльда. – Мои любимые!

Все, кроме Клавдии, принялись расспрашивать, что это такое.

– Фрукты из иного мира, – объяснил Дерк, снимая вторую корзину. – Только смотри, Эльда, не раздавай их направо и налево. У меня пока что всего одна роща апельсиновых деревьев. Вот, а это вам на обед. Мара, кажется, запихала туда все, что Лидда настряпала на целый год и закрыла в стасисе. Она прикинула, что теперь, когда в университете туго с деньгами, кормить тут стали еще хуже. Угощайтесь.

Из второй корзины пахло так аппетитно, что пять рук и когтистая лапа сунулись туда одновременно, без особых колебаний. Все радостно зачавкали. Денди переступал с ноги на ногу и фыркал так жалобно, что Дерк в конце концов порывлся среди булочек, пирожков и плюшек и нашел для него пирожок с морковкой, а заодно и для себя – пирожок со свиной. Некоторое время все мирно кушали.

– А что, в университете действительно туго с деньгами? – спросила вдруг Ольга.

– Ужасно туго, судя по жалостному, но высокомерному письму, которое я недавно получил, – сказал Дерк. – Там говорилось, что они вынуждены просить о вспомоществовании родственников всех студентов.

Это известие вызвало всеобщее смятение. Клавдия чуть не подавилась эклером. Лукин побагровел, Ольга побледнела. Рёскин принялся озираться, словно каждую секунду ожидал нападения. А Фелим, у которого сделалось такое лицо, словно он вот-вот упадет в обморок, спросил:

– Что, действительно всех?

– Ну да, вроде бы, – ответил Дерк, несколько удивившись.

Он хотел было спросить, из-за чего, собственно, такой переполох, но не успел. Послышались тяжелые, уверенные шаги, и властный голос воскликнул:

– Эй, вы там! Вы, с лошадей!

– Вермахт! – сказала Ольга. – Только его тут и не хватало для полного счастья.

Они вскинули головы. Крыльцо столовой опустело – все ушли обедать. А во дворе, на полпути между крыльцом и статуей, стоял Вермахт: все складочки одеяния отглажены, как по линейке. Почтенный преподаватель кипел от возмущения.

– Приводить лошадей сюда, во внутренний двор университета, строго запрещается! Немедленно отведите ее в конюшню!

Дерк поднялся:

– Ну, если вы так настаиваете...

– Да, настаиваю! – воскликнул Вермахт. – Я член совета, управляющего этим университетом, и я требую, чтобы вы немедленно удалили отсюда эту грязную скотину.

– Сам ты скотина! – обиделся Денди. Он развернулся и рысцой направился к Вермахту, не менее возмущенный, чем сам волшебник. – Я даже не лошадь! Я – крылатый конь! Во, гляди!

И он шумно взмахнул своими медно-рыжими крыльями.

Ко всеобщему изумлению, Вермахт шарахнулся назад и закрыл голову рукой:

– Уберите животное!!!

– О боги! Да ведь он же просто боится лошадей! – воскликнула Эльда, приплясывая на месте. – Он и меня, наверно, боится! Ну сделайте же что-нибудь, пока он не заколдовал Денди!

Лукин вскочил на ноги, собираясь бежать к коню. Рёскин уже несся в ту же сторону. Но Дерк опередил их обоих: он стремительно перенесся к Денди и схватил коня под уздцы.

– Я ужасно извиняюсь, – поспешно сказал он Вермахту. – Я не знал, что сюда запрещено приводить лошадей. В мое время такого правила не было.

– Незнание закона не освобождает от ответственности! – рявкнул Вермахт. От страха и гнева он сделался аж лиловым. – Вы могли бы и подумать головой, прежде чем привести подобного монстра в приличное учебное заведение!

– А чего он обзывается! – пожаловался Денди.

Дерк дернул Денди за повод:

– Заткнись! Что ж, волшебник, я могу только еще раз извиниться. К тому же, я думаю, Денди не особо помешал учебному процессу...

– Да что вы понимаете в учебном процессе? – перебил его Вермахт. – Я понятия не имею, кто вы такой, но, судя по вашему внешнему виду, вы не имеете ни малейшего представления о важности образования. Убирайтесь отсюда! Заберите своего монстра и убирайтесь, пока я не прибег к магии!

Он с отвращением покосился на Эльду:

– У нас тут своих чудовищ хватает!

Услышав это, Дерк ссутулился и набычился. Эльда по опыту знала, что ничего хорошего это не сулит.

Но тут во двор из Дома заклинателей выскочил Коркоран. Его галстук с пальмами развеялся где-то над левым плечом. Один из его старших учеников увидел в окно столовой, что во дворе творится что-то неладное, и отправил наставнику магический призыв.

– А-а, волшебник Дерк! – радушно, хотя и несколько запыхавшись приветствовал Коркоран гостя. – Очень рад, очень рад. Приятно снова вас видеть! Вы меня, наверно, не помните. Я Коркоран. Мы встречались во время последнего тура.

Он протянул Дерку руку. Рука тряслась от спешки.

Реакция Вермахта, как сказала потом Ольга, была бы смешной, если бы не была столь отвратительной: он тут же склонился в низком поклоне.

– Ах, волшебник Дерк! – воскликнул он. – Сам знаменитый волшебник Дерк оказал нам честь своим посещением! Коркоран, мы с волшебником Дерком только что обсуждали...

Дерк пожал руку Коркорану.

– Спасибо, что вмещались, – сказал он. – Как же, как же, помню: ваша группа была следующей за группой Финна. Но, боюсь, мне пора. Я собирался поговорить с вами о пожертвовании – хотя, надо признаться, свободных денег у меня не так уж много, все вложено в свиней, в апельсины и тому подобное, – но вышло так, что сегодня я не в настроении обсуждать этот вопрос. Может быть, как-нибудь потом. Конечно, при условии, – добавил он, вставляя

ногу в стремя, – что у моей дочери не будет причин жаловаться на то, что с ней обращаются как с чудовищем. В противном случае я ее немедленно заберу.

Он вскочил в седло. Денди распростер огромные крылья и захлопал ими. Конь со всадником взмыли в небо. Вермахт невольно пригнулся. Коркоран ошеломленно проводил их взглядом.

– Вермахт, – процедил он сквозь зубы, надеясь, что никто из студентов, стоящих у статуи, их не услышит. – Вермахт, по вашей милости мы только что лишились верной тысячи золотых! Не знаю, как вам это удалось, но предупреждаю: если это хоть раз повторится, вы вылетите с работы. Ясно?

3

Слух у грифонов чрезвычайно острый. Эльда слышала все, что Коркоран сказал Вермахту. И Рёскин тоже все слышал. Длинные, волосатые уши гномов предназначены для того, чтобы помогать им находить путь в крошечной тьме, ориентируясь по отзвукам слабого эха в пещерах и гротах. А Рёскин с Эльдой рассказали остальным.

– Вот и замечательно! – Ольга потянулась, точно огромная белокурая кошка. – Выходит, мы в любой момент можем сделать так, чтобы Вермахта уволили!

– Разве это так уж замечательно? – озабоченно сказала Эльда. – А по-моему, мне – да и всем нам – давно пора научиться самим о себе заботиться. Нам следует разобраться с Вермахтом самостоятельно, не втягивая в это начальство.

Остальные сочли такую щепетильность чрезмерной и стали пытаться переубедить Эльду. Но к тому времени, как студенты донесли корзину с апельсинами и полупустую корзину с домашним угощением до концертного зала, где жила Эльда, им стало не до этого. С Фелимом явно было что-то не так. Он дрожал всем телом. Лицо его посерело, на лбу выступил пот. Он ни с кем не разговаривал и вообще слабо реагировал на происходящее.

Эльда подняла его и усадила на эстраду, которая теперь служила ей постелью.

– Фелим, в чем дело? Ты не заболел?

– Это ему, наверно, что-то из угощения не впрок пошло, – предположил Рёскин. – Похоже, это все из-за тех рулетиков с креветками. У меня от них до сих пор отрыжка.

Фелим слабо покачал головой:

– Да нет, я здоров.

Тут у него застучали зубы, и он поспешно их стиснул.

– Тогда объясни, что случилось! – сказала Клавдия. – Как знать, может быть, мы сумеем тебе помочь.

– Да и вообще, просто полезно выговориться, – сказал Лукин. – Вот я, когда, бывало, ссорился с отцом, всегда все рассказывал своей сестре, Изодели. Ты себе просто не представляешь, насколько мне становилось легче!

Фелим снова покачал головой. Он разжал зубы, выдавил:

– Мужчине надлежит хранить тревоги замкнутыми в глубинах своего сердца, – и снова умолк.

– Ох, Фелим, не дури! – воскликнула Ольга. – В тех краях, откуда я родом, люди тоже все время так говорят, и никому от этого пока что лучше не стало! Я знала одного человека, которого преследовал злой дух, а он так ничего и не сказал пользователю магии, который был у нас на... Ну, в общем, пользователь магии мог бы ему помочь.

– А потом, ты ведь не только мужчина, ты еще и наш друг! – сказала Эльда. – Что, тебя правда злой дух преследует?

– Нет, не дух, – выдохнул Фелим. – Ассасины. Раз университет разослал просьбы о пожертвовании всем родственникам, значит эмир узнал, где я, и ассасины вот-вот явятся сюда.

– Но ведь ты же вроде говорил Коркорану, что обереги университета должны тебя защитить? – спросил Рёскин.

– Ну да, говорил. Но откуда мне знать, так ли это на самом деле? Я еще слишком плохо владею магией, чтобы определить, насколько сильны эти обереги! – ответил Фелим. Он, похоже, был в отчаянии. – А ассасины и сами владеют магией. И любым оружием. Я всю неделю упражнялся с рапирой, но все равно я им не ровня. Вполне возможно, что они преодолеют обереги и проникнут сюда. Эмир обещал, что они подвергнут меня магическим пыткам, так что умирать я буду медленно, очень медленно. Что же мне делать-то?

Рёскин к этому времени побледнел почти так же сильно, как Фелим.

– А ведь кузнечные мастера тоже владеют магией! – воскликнул он. – И впрямь хотелось бы знать, насколько сильны эти обереги.

Все обернулись к Клавдии. Она подошла и положила руки на трясущиеся плечи Фелима:

– Спокойно. Никто из вас не знает каких-нибудь заклятий, позволяющих узнавать будущее?

После продолжительного молчания Лукин наконец ответил:

– Кажется, мы должны проходить что-то в этом роде в следующем семестре...

– Поздновато, – сказала Клавдия. – Ну ладно. Значит, мы не сможем узнать, сумеют ли здешние обереги его защитить...

– Только никому не говорите, пожалуйста! – взмолился Фелим. – Я не переживу такого позора!

– Ладно, ладно, – сказала Клавдия. – Но знаешь, ведь нам ничего не стоит самим наложить на тебя защитные чары. Главное – выяснить, как это сделать. В библиотеке наверняка есть книги, где об этом говорится. Пойдем поищем.

– Кхм... Мне не хочется об этом напоминать, – вмешался Лукин, – но сейчас нам надо идти к Вермахту, на лекцию по травам. На самом деле мы и так уже на пять минут опаздываем.

– Ну, значит, пойдем в библиотеку сразу после лекции! – решила Эльда. – Держись в середине, Фелим, – в случае чего, если появятся ассасины, мы тебя защитим. Я могу быть очень грозной, если захочу!

– Я в этом не сомневаюсь! – слабо улыбнулся Фелим.

Когда наши друзья на цыпочках вошли в Северную лабораторию, Вермахт уже диктовал студентам и целителям свойства черной чемерицы. Впрочем, грозный преподаватель явно притих. Завидев шестерых опоздавших, он только подергал бородку и буркнул себе

под нос что-то вроде: «Лучше поздно, чем никогда!» И даже когда Эльда опрокинула парту, оттого что слишком старалась быть незаметной, он ничего не сказал – только насмешливо приподнял бровь. Он, казалось, не замечал, что Фелим не записывает свойства черной чемерицы, а потом чемерицы вонючей, а просто сидит над тетрадью, почти не слушая лекцию.

– Хорошо-то как! – воскликнула Клавдия, когда они выскочили из лаборатории, таща за собой Фелима. – Ну, теперь в библиотеку!

Они бросились к высокому, величественному Дому заклинателей на противоположной стороне двора. Одна из бесчисленных бумажек, выданных студентам по прибытии, поведала им о том, что Дом заклинателей – древнейшее из зданий университета, построенное самим волшебником Поликантом, чья статуя возвышается посреди двора. Когда-то в этом строении помещался весь университет. Ну а теперь на первом этаже Дома заклинателей находились зал совета, главная аудитория и университетская канцелярия, всё древние каменные залы, где немало поколений будущих волшебников зубрили свои заклинания. А на втором этаже теперь располагались комнаты бессемейных магов, проживающих при университете, да еще библиотека. Эльда стремительно взбежала впереди всех по широкой каменной лестнице, совершенно не задумываясь о том, что ее когти царапают те самые ступени, по которым некогда восходили тысячи знаменитых волшебников. В другое время этот факт исполнил бы ее благоговением, но сейчас юной грифонше было не до того.

Библиотекарша немного поморщилась, когда запахнулись двери и в них ворвалась Эльда, а за ней – толпа молодых людей и гном. Она поспешно подновила стабилизирующие чары. Для людей библиотека с ее высоким сводчатым потолком, расчерченным нервюрами, и стрельчатыми окнами была достаточно просторна, но массивные дубовые шкафы были расставлены с тем расчетом, чтобы между ними могли свободно разойтись два волшебника в широких одеяниях. А Эльда еле протискивалась в эти проходы, и кончики ее крыльев задевали мраморные бюсты волшебников, стоявшие в конце каждого ряда. Так что библиотекарша не без тревоги наблюдала, как дружная компания направилась к каталогу.

Каталог сам по себе был одним из чудес университета. Выглядел он как конторка, над которой возвышались ряды маленьких ящичков. Пользовались им так: надо было взять специальное перо из чернильницы, вделанной в конторку, – это приводило чары в действие, – и написать на пергаменте, прикрепленном к конторке, имя автора, или название книги, или просто интересующую вас тему. После этого из каталога доносилась незамысловатая мелодия, и один или несколько ящичков открывались. На каждом из ящичков было написано имя одного из волшебников, чьи бюсты стояли в конце рядов, а внутри лежала карточка с написанным на ней именем автора, названием книги и номером полки, на которой ее надо искать. Вся беда в том, что бюсты волшебников были не подписаны, и для того, чтобы отыскать нужную книгу, надо было знать их всех в лицо.

Библиотекарша нервничала все сильнее, наблюдая, как студенты строчат на конторке и ящички открываются один за другим. К несчастью, из шестерых первокурсников лучше всех знала волшебников в лицо именно грифонша. Она хватала карточку за карточкой, подцепляла ее когтем, на трех лапах неслась к нужному шкафу, ныряла в проход и вскоре выбиралась оттуда задом, таща нужную книгу. Временами она заходила не с той стороны, и ей приходилось выбираться обратно несолоно хлебавши и заходить в соседний проход, но в любом случае бюсты, стоявшие на шкафах, угрожающе громыхали и шатались.

Тем временем шепот у каталога делался все оживленнее. Студенты то и дело поглядывали в сторону библиотекарши. В конце концов гном гулким шепотом заявил:

– Ну что ж, тогда я пойду и спрошу!

И направился к столу библиотекарши. Он выставил бороду поверх стола и довольно вежливо осведомился:

– Скажите, пожалуйста, а «Философия магии» Поликанта у вас есть? Я никак не могу найти ее в каталоге.

– Вы ее там и не найдете, – объяснила библиотекарша. – Это старая книга. Мы их в открытом доступе не держим.

– И еще, – гном выложил на стол помятый список и заглянул в него, – я не могу найти «Алую книгу Костамары», «Циклину о тропизме» и «Тангенциальную магию». Их тоже нет в открытом доступе?

– Конечно, – кивнула библиотекарша. – Нам совершенно незачем загромождать полки – в наше время никто из наставников не задает читать эти книги. Преподаватели предпочитают не вдаваться в теорию больше необходимого.

– Но это же глупо! – пророкотал Рёскин.

– Тсс! – прошипела библиотекарша. – Люди же занимаются!

И в самом деле, большинство студентов, сидевших за столами в центре библиотеки, подняли голову и негодуя оглянулись на гнома. Рёскин взглянул на них исподлобья. Однако его задачей было отвлечь библиотекаря, а не устраивать скандал. Поэтому он продолжал хриплым громким шепотом:

– Но почему же они не вдаются в теорию? И что, значит, вы мне этих книг не выдадите?

– Они вам и не понадобятся, – терпеливо сказала библиотекарша. – Вы еще первокурсник. Вам и без этого хватит зубрежки и приобретения простейших навыков.

– Ничего подобного!

Рёскин пристукнул ладонью по своему списку, разложенному на столе. Стол содрогнулся. Библиотекарша взглянула на него с опаской.

– Я – гном! Простейшими навыками мы все и так владеем. А у меня пытливым ум. Я хочу знать все остальное: чтойность и какойность, вкус и цвет этоса, запах запредельности. Заниматься магией, не зная всего этого, означает водружать свою наковальню на скользкой глине. Запрещая мне читать эти книги, вы вынуждаете меня строить кузню на зыбкой трясине!

– Да ничего я вам не запрещаю! – поспешно возразила библиотекарша. – Я только объясняю, почему их нет на этих полках. Просто скажите, какие книги вам нужны, и я их для вас вызову. Вы сказали, «Философия магии» Поликанта?

Рёскин кивнул, и косточки, вплетенные в его бороду, застучали о стол.

– И еще «Алую книгу Костамары», – добавил он, решив не терять времени даром.

– Ну хорошо.

Библиотекарша неодобрительно покачала головой и привела в действие какое-то замысловатое заклятие.

Рёскин следил за ней очень внимательно, но понял только, что заклятие очень сложное и самому ему его воспроизвести не удастся. Там использовались какие-то коды, формулы и непонятные символы. Гном разочарованно вздохнул: от идеи пробраться сюда ночью и хорошенько порыться в университетских тайнах придется отказаться. И вот прямо у него на глазах воздух между руками библиотекарши задрожал, потом запульсировал, и наконец на столе откуда ни возьмись возникли два тома в кожаных переплетах. Они божественно благоухали пылью и старыми перчатками.

– Спасибо! – прогудел Рёскин.

Он стрельнул глазами в сторону каталога. Труды его товарищей были далеки от завершения. Эльда как раз поскакала к полкам, неся в когтях еще три карточки. Он снова взялся за свой список.

– И еще «Циклину о тропизме», «Тангенциальную магию», «Прикладную парафизику», «Теорему мысли», «Дисфункции реальности», «Универса квалитатива» и... э-э... «Многообразие перемен», – зачитал он раскатистым басом.

– Что, все?! – воскликнула библиотекарша.

– Все до единой, если можно, – хрипло подтвердил Рёскин. – И если у вас есть что-нибудь еще на ту же тему...

– Студентам больше девяти книг на руки не выдают! – отрезала библиотекарша и снова принялась совершать магические пассы.

К тому времени, как на столе появилась высоченная стопка книг («Тангенциальная магия» оказалась громадной, а еще пара-тройка изданий была немногим меньше), остальные студенты тоже потянулись к столу. И каждый нес по стопке книг, хотя и потоньше, чем у Рёскина. Библиотекарша сосчитала книги – их оказалось сорок пять – и заявила:

– Мне придется сообщить об этом вашему наставнику.

Студенты с трудом удержались от того, чтобы обменяться встревоженными взглядами.

Клавдия, твердо глядя в глаза библиотекарше, спросила:

– А зачем?

– Это ненормально, чтобы студенты столько читали, – ответила та.

– Ну, вообще-то, да, – нашлась Ольга. – Коркоран так и сказал, что вы, возможно, удивитесь. Но он хочет приучить нас работать с несколькими источниками одновременно.

Она ткнула в бок Эльду, но Эльда в понуканиях не нуждалась.

– Коркоран такой приятный преподаватель! – пропела она. – Даже его идеи и те ужасно интересные!

Грифонша говорила так искренне, что библиотекарша только пожала плечами, проворчала: «Что ж, ладно!», вздохнула и проштамповала все сорок пять книг.

Студенты забрали свою добычу и заторопились в концертный зал Эльды. Рёскина было почти не видно под его томами. В зале они разложили книги прямо на полу и принялись просматривать их на предмет того, что может пригодиться. Особенно хорошо это удавалось Лукину. Он брал книги одну за другой, пролистывал их и сразу определял, о чем они. Фелим ничего не делал, только сидел и дрожал посреди книг, как будто они сами по себе могли его защитить. От Рёскина проку было еще меньше. Он уселся, скрестив ноги, на кровати Эльды, разложил на коленях «Алую книгу Костамары» и принялся читать взахлеб. Время от времени он зачитывал вслух сентенции вроде: «Чтобы стать волшебником, необходимо мыслить глубже прочих людей обо всем, как возможном, так и невозможном».

– Очень верная мысль. А теперь заткнись, пожалуйста, – сказала Ольга. – Вот, эта нам наверняка пригодится. Тут столько схем!

– Тогда клади ее вон в ту кучу, – распорядился Лукин.

В конце концов у них получилось три стопки. Одна, самая маленькая, состояла из книг, в которых, как оказалось, речь шла почти исключительно о вызывании демонов. Все сошлись на том, что это им не понадобится.

– Папа однажды вызвал демона, еще когда был студентом, – сообщила Эльда. – А потом никак не мог заставить его убраться прочь. Демон может оказаться еще страшнее ассасинов.

Оставшиеся две стопки предназначались, по выражению Лукина, для проведения наступательной и оборонительной кампании: шесть книг были посвящены защитным чарам и тридцать шесть – магическим ловушкам, предупреждающим сигналам, охранным лабиринтам и тому подобному. Клавдия стояла на коленях между двумя стопками книг. Ее мокрые на вид волосы растрепались, лицо было измазано пылью.

– У нас в запасе около трех часов до ужина, – сказала она. – Я так думаю, что сперва нам следует создать вокруг него защитные чары, а потом расставить столько ловушек, сколько успеем. С чего надо начинать, Лукин?

Лукин взял первую книгу из средней стопки.

– Вот! – прогудел Рёскин. – «Ищите пути в запредельные царства! Они повсюду, их тьмы и тьмы».

Но к этому времени на гнома уже никто внимания не обращал.

– Практически все заклятия начинаются с того, что заклиняемого следует поместить в центр пентаграммы, – сказал Лукин, стремительно пролистав одну из книг. – В некоторых говорится, что нужно также начертить пентаграммы на лбу, подошвах и ладонях заклиняемого.

– Так и сделаем, – решила Клавдия. – Фелим, снимай туфли.

– А какого цвета должны быть пентаграммы? – осведомилась Эльда, склонившись над Фелимом с коробочкой цветных мелков.

Лукин зашелестел страницами. Ольга заглядывала ему через плечо.

– Тут везде говорится разное, – сказал Лукин. – Зеленые, синие, черные, красные. А вот тут вообще написано – фиолетовые.

– Нарисуй по одной каждого цвета, Эльда, – распорядилась Клавдия.

– Еще нужны свечи, – продолжал Лукин. – Свечи тоже везде упоминаются. Самое большее – двенадцать.

Ольга вскочила и убежала в ближайшую лабораторию за свечами, а Эльда деловито принялась рисовать на лбу у Фелима фиолетовую пятиконечную звезду. Лукин еще раз пролистал все шесть книг и сказал:

– Про то, какого цвета должна быть пентаграмма вокруг заклиняемого, нигде не говорится. Написано только, что ее надо начертить на полу.

– Но тут же везде ковер! – возразила Эльда, рисуя зеленую звездочку на правой подошве Фелима. – Фелим, не крутись, сиди спокойно!

– Щекотно же! – пожаловался Фелим.

– Да нарисуй ты ее сверху, на подъеме стопы! – посоветовала Клавдия. – А что, разве на ковре нельзя рисовать мелом?

– Можно, но ковер жалко, – ответила Эльда.

– «Способ создания чар, – прогудел Рёскин с эстрады, – отнюдь не неизменен, подобно закону природы, но, напротив, изменчив, подобно духу. Думай и размышляй, о маг, и не делай ничего только потому, что так делалось испокон веков».

– Ну вот, хоть один полезный совет, для разнообразия! – заметила Эльда.

Она закончила разрисовывать Фелима, убрала мелки и разложила тридцать шесть книг из «наступательной» стопки в виде пентаграммы вокруг Фелима. Трудилась она так сосредоточенно, что даже время от времени высовывала узкий золотистый язычок.

– Вот, пожалуйста! И ковер мой цел остался.

– «К природной материи, – читал Рёскин, – надлежит относиться с почтением, и тогда она с готовностью откликнется на телесные заклятия».

– Он все еще читает? О боги! – воскликнула Ольга, вернувшаяся с мешком свечей – она позаимствовала их из шкафа в лаборатории Вермахта. – Рёскин, ну заткнись же, добром тебя прошу!

– Да, Рёскин, иди-ка сюда, – сказал Лукин, вставая на ноги. – Пора браться за работу. В пентаграмме пять концов, и нас тоже пятеро, не считая Фелима, так что без тебя нам никак не обойтись.

Рёскин вздохнул и бережно снял с колен «Алую книгу Костамары».

– Наконец-то! – сказал он. – Эта книга – именно такая, какой я всегда представлял себе книгу по магии. Ну, то есть пока не приехал сюда и не познакомился с Вермахтом. А что надо делать?

– Я думаю, все, что написано в этих шести книгах, – сказал Лукин. – Если мы пустим в ход все заклятия сразу, защита должна получиться несокрушимой. А, Фелим?

– Будем надеяться... – откликнулся тот слабым голосом.

Они начали с того, что расставили свечи вокруг книжной пентаграммы – получился круг из девяти свечей (все, что были в мешке). Вызывать огонь пока что никто не умел, поэтому Рёскин попросту воспользовался своей кремневой зажигалкой. Потом все пятеро встали у пяти концов пентаграммы и, передавая книги из рук в руки (или из рук в лапы), принялись читать заклинания, возглашать волшебные слова и пытаться воспроизвести описанные там пассы. Для одного из заклинаний Эльде пришлось сбегать за своим зеркальцем. Зеркальце пошло по кругу, обращенное вовне, чтобы отразить от Фелима любые вражеские атаки. В перерывах между заклинаниями все с опаской поглядывали на Фелима. Но молодой человек стоически восседал посреди пентаграммы, и не похоже было, чтобы заклятия причинили ему какой-то вред.

– Ты ведь скажешь, если тебе станет больно или что-нибудь в этом духе, верно? – то и дело спрашивал кто-нибудь.

– Да нет, пока что мне совсем не больно – только довольно жарко становится время от времени, – отвечал Фелим.

Начинающие маги добросовестно прошерстили все шесть книг. На это ушло меньше часа: многие заклятия повторялись в нескольких книгах, а некоторые, например заклятие с зеркалом, встречались во всех. Тем не менее под конец все внезапно обнаружили, что смертельно устали. Эльда, едва успев дочитать последнее заклинание, бессильно осела на задние лапы. А прочие так просто рухнули, где стояли, и остались сидеть на ковре, тяжело дыша.

И тут произошло нечто воистину удивительное. Все девять свечей догорели одновременно, потухнув в лужицах воска. Эльда уныло разглядывала испорченный ковер, когда заметила краем глаза, что Фелим вроде как светится. Она развернулась и уставилась на него в упор – но нет, Фелим выглядел совершенно как обычно. Однако когда Эльда снова повернула голову и посмотрела на него боковым зрением, то опять увидела, что Фелим весь светится, прямо-таки сияет изнутри, точно огромный фонарь. Ярче всего сиял алый пояс юноши и еще глаза.

Все прочие, кто сидел вокруг пентаграммы, обнаружили то же самое. Они было решили, что им мерещится, и поначалу молчали, боясь, что их поднимут на смех, но наконец Ольга осторожно спросила:

– Скажите, кто-нибудь еще видит то, что вижу я?

– Да, – ответила Клавдия. – Сдается мне, мы обрели магическое зрение. Фелим, тебе видно, что ты светишься?

– У меня магическое зрение было с детства, – ответил Фелим. – Но, надеюсь, этот эффект долго не продержится. А то я себя чувствую каким-то маяком. Можно, я теперь смою пентаграммы?

Однако смывать пентаграммы не пришлось: они исчезли сами собой. Фелим показал товарищам свои ладони.

– Подействовало! – Лукин восторженно хлопнул себя по колену. – Ребята, у нас все получилось! Мы молодцы!

Студенты так обрадовались, что даже забыли об усталости. Фелим, с трудом разогнув затекшие ноги, выбрался из пентаграммы, и они отпраздновали успех, съев по несколько апельсинов и доев пирожки из другой корзины. А потом, не успев дожевать, разобрали книги

из пентаграммы, чтобы найти способы подкараулить и перехватить ассасинов до того, как те подберутся близко к Фелиму.

– Мой брат Кит сказал бы, что это перебор, – заметила Эльда.

– В таком деле лучше перебрать, чем недобрать, – ответил Лукин, раскладывая перед собой сразу несколько томов. – Нам нужна максимальная защита. У-у! Это проблема... Почти половина этих заклятий может сработать только один раз, в определенное время. Значит, нужно рассчитать время так, чтобы они сработали именно тогда, когда ассасины будут здесь.

– Это не беда, – ответила Клавдия, чистя шестой апельсин. – Знаешь, Эльда, мне так нравятся апельсины! Даже у Тита их столько не бывает. Так вот, мы ведь можем рассчитать, когда они сюда доберутся. Фелим, сколько времени у тебя ушло на дорогу?

Фелим улыбнулся. Окружавшее его сияние постепенно угасало, но уверенность юноши, казалось, росла по мере того, как оно затухало.

– Почти три недели. Но у меня был плохой конь, и ехал я окольными тропами, стараясь остаться незамеченным. А ассасины поедут на хороших лошадях по большой дороге. Ну, положим, неделя.

– Неделя с тех пор, как в Эмиратах получили письмо из университета... Эльда, а когда твой отец получил письмо?

– Он не говорил, – ответила Эльда. – Но если письмо отправили с одним из его разумных голубей, то отсюда до Деркхольма такой голубь долетает за полдня, а до Эмиратов – дня за полтора-два.

– Допустим, письмо отправили в первый день семестра, – принялась считать Ольга. – Значит, всего дней восемь-девять: полтора-два на голубя и семь на дорогу ассасинам. Скорее всего, они явятся послезавтра. Но тут достаточно заклятий, чтобы их хватило на несколько суток, начиная с завтрашнего дня. Идет?

– Да, но при этом большую часть лучше все же назначить на послезавтра, – сказала Клавдия. – Так и сделаем.

– Ну что ж, за работу! – вскочил Рёскин.

На этот раз и сам Фелим смог поучаствовать. Они поделили книги между собой, на каждого по шесть, и все принялись работать над ними, каждый на свой лад. Фелим трудился медленно, время от времени расплываясь в кровожадной улыбке. Для своих заклятий он то и дело пускал в ход Эльдины нож и вилку. Рёскин работал методично, используя полоски апельсиновой кожуры и непрерывно что-то бормоча себе под нос. Время от времени он обращался к «Алой книге Костамары» и применял какие-то из приведенных там советов. Эльда с Ольгой взялись за работу не сразу – они сперва отобрали нужные заклятия, время от времени произнося что-нибудь вроде: «Нет-нет, терпеть не могу слизи!» или: «А-а, вот это хитро придумано!» А решив, что именно они будут делать, они работали очень быстро. Делали они при этом абсолютно разные вещи, судя по тому, что Ольга накрошила целую грудку желтого мела, а Эльда выложила замысловатые узоры из апельсиновой кожуры. Лукин действовал стремительнее всех: пролистывал книгу за книгой, выкладывал узоры из крошек или апельсиновых зернышек, вязал узелки на нитках, выдранных из Эльдиных занавесок, или просто что-то шептал. Клавдия же, напротив, оказалась самой медлительной. Для начала она некоторое время сидела с закрытыми глазами – видимо, решала, что делать, – потом открывала книгу, долго и напряженно размышляла над тем, что там написано, и наконец, много минут спустя, выдергивала у себя волосок или аккуратно соскребала немного пыли с ковра. Один раз она вышла на улицу, сорвала травинку и спалила ее на зажигалке Рёскина, потом подошла к двери и сдула пепел наружу.

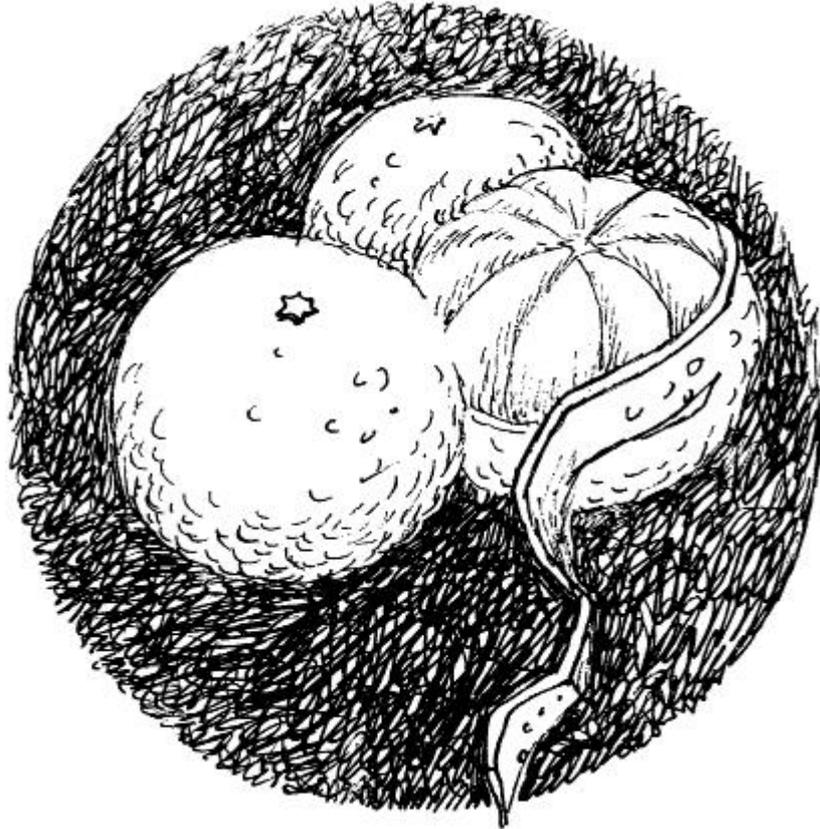
Всем им время от времени попадались заклинания, которые явно не срабатывали. При попытке пустить их в ход тут же наваливалась вязкая тяжесть, как будто вся вселенная сопро-

тивлялась тому, что они пытались сделать. Но никого это особенно не тревожило. Молодые маги просто тут же переходили к следующему заклятию. Всего они использовали по меньшей мере шесть десятков заклятий. К тому времени как зазвонил колокол столовой, созывая к ужину, Эльдин концертный зал был изрядно разукрашен странными узорами и завален книгами, а все шестеро окончательно выдохлись.

– Будешь тут ходить – гляди под ноги! – предупредил Лукин Эльду.

– Ну так ведь это всего на несколько дней! – беспечно сказала Эльда. – Я оставлю записку уборщицам, чтобы они тут не подметали. Главное, чтобы с Фелимом ничего не случилось.

– Спасибо вам! – сказал Фелим. – Я вам чрезвычайно признателен.

4

Большую часть ночи Рёскин провел за чтением «Алой книги Костамары»: сперва в буфете с кружкой пива, потом, когда его наконец выставили из буфета, у себя в комнате. Дочитав ее, он заснул, но поутру ни свет ни заря постучался к Эльде: он пришел за остальными книгами.

– О боги всеблагие! – простонала Эльда, когда к громкому стуку в дверь присоединился зычный и настойчивый голос Рёскина. – Ну ладно, ладно, сейчас иду!

Эльда спрыгнула со своей эстрады, но в последний момент вспомнила, что весь пол выложен магическими узорами. «Вот как хорошо быть грифоном!» – подумала она и расправила крылья. Юная грифонша полетела к двери. Со сна она не заметила, что ветер от ее крыльев исказил очертания некоторых узоров. Дверь тем временем содрогалась от ударов.

– Послушай, Рёскин, – сказала Эльда, отпирая ее, – ты, пожалуйста, не забывай, что я могу тебя растерзать, если мне захочется. А мне уже почти хочется.

– Мне нужна «Циклина о тропизме», – сказал Рёскин. – Срочно. Понимаешь, это все равно что запой. Кстати, заберу и остальные книги тоже, раз уж зашел.

– Да пожалуйста, хоть все забирай! – сердито сказала Эльда и отступила в сторону, освобождая ему проход.

Рёскин нырнул в зал, ловко лавируя между разложенными на полу магическими узорами, и схватил свою «Циклину».

– Кстати, хочешь почитать «Алую книгу Костамары»? – спросил он, собирая остальное. – Там множество ценнейших советов по части магии. Я могу принести ее тебе сегодня, но потом снова заберу – я хочу перечитать ее еще разок, прежде чем сдать обратно в библиотеку.

Нельзя сказать, чтобы Эльда была без ума от этой «Алой книги» – хотя она тут же вспомнила, что и сама воспользовалась одним из ее советов. Но сейчас грифонша была такая сонная, что спорить совершенно не хотелось.

– Ну ла-адно. Принеси ее мне на утреннюю лекцию Вермахта. А теперь убирайся, я хочу еще поспать.

Рёскин ухмыльнулся и удалился, напоминая собой приземистый книжный шкаф на коротких кривых ножках. Эльда захлопнула дверь и полетела обратно в постель. Но тут она обнаружила, что проснулась ровно настолько, чтобы не суметь заснуть снова. Грифонша немного полежала на брюхе, сердито размышляя о том, какой же бардак царит у нее в комнате. Вскоре она обнаружила, что прикидывает, долго ли еще до завтрака, а вслед за этим подумала о том, как хорошо, что у нее еще были апельсины. После этого ничего не оставалось, как встать и съесть апельсин. Потом Эльда решила, что, раз уж все равно делать нечего, надо попытаться отскрести от ковра хотя бы часть из девяноста девяти лужиц воска. Грифоньи когти очень неплохо приспособлены для такой работы, но у нее все равно ушло на это больше получаса. Однако до завтрака оставалась еще уйма времени. Эльда пошла бродить между магическими узорами, собирая оставшиеся сорок с лишним книг из библиотеки. И, между прочим, обнаружила Поликантову «Философию магии». Рёскин ее забыл, потому что на вид она ничем не отличалась от других, более доступных книг.

– Во, кстати! – сказала Эльда. – Папа ведь все равно говорил, чтобы я ее почитала...

Она взлетела обратно на постель и принялась читать.

Это было совсем не то, что она ожидала увидеть, хотя Эльда сразу поняла, отчего эта книга нравится ее отцу. Поликант имел привычку сводить вместе идеи, которые по сути своей не имели ничего общего, и оборачивать дело таким образом, что они все-таки смыкались. Эльда подумала, что Дерк поступил примерно так же, когда соединил орла и льва, чтобы создать грифона. На ее взгляд, Поликант делал это несколько натянуто. Но он то и дело задавал вопросы. И все эти вопросы заставляли Эльду говорить себе: «А я бы этот вопрос поставила совершенно иначе!» или: «Ну, дело же не в этом – ему следовало бы спросить вот о чем...» Через некоторое время она поневоле задумалась: быть может, Поликант нарочно задает не те вопросы, чтобы вынудить читателя пуститься на поиски нужных? И тут Эльда поняла, что попалась. Она осознала, что избрала для изучения самый интересный предмет на свете. Эльда читала, читала, читала... Она даже едва не опоздала на завтрак – ей непременно хотелось дочитать пятую главу.

Юная грифонша не спеша направилась в столовую. Она чувствовала себя несколько рассеянной и в то же время необычайно внимательной и возбужденной: ей казалось, будто ее разум раскрылся, точно зонтик – даже не один, а целая вешалка зонтиков, причем некоторые из них вывернулись наизнанку.

– В чем дело, Эльда? – спросил Фелим, глядя, как топорщатся ее крылья и хохолок и как дергается ее хвост.

– Да так, – ответила она. – Я просто читала Поликанта...

– И как, понравилось? – спросил Лукин.

– Ну, в общем, да, но дело даже не в этом. Я просто не могла оторваться, – призналась Эльда.

Ее товарищи смотрели на выгнутую шею и сверкающие глаза грифонши с благоговейным трепетом.

– А можно, я потом почитаю? – вежливо осведомился Фелим.

– Обязательно! – воскликнула Эльда. – Вы все должны это прочесть! Даже ты, – сказала она Рёскину.

Тот поднял голову от «Циклины», посмотрел на грифоншу невидящим взором, что-то буркнул и снова уткнулся в книжку.

Позавтракав, Эльда побежала к себе – она хотела еще немного почитать Поликанта, прежде чем идти на лекцию к Вермахту. Она даже не остановилась, чтобы проводить взглядом Коркорана, который бежал в свою лунную лабораторию. Так только, взглянула мельком

и галопом поскакала к себе. Коркоран же на нее и вовсе внимания не обратил. Его разрисованный павлиньими перьями галстук, как обычно, развеялся у него за плечом. Коркоран был озабочен. Оказалось, что спрятанный в пушечное ядро персик делается невероятно тяжелым. Коркоран понимал, что если он нацепит на себя столько железа, то просто не сможет передвигаться, даже несмотря на то что на Луне, согласно его расчетам, все предметы должны весить меньше. Теперь он обдумывал, что делать: уменьшить вес железа с помощью магии или просто сделать ядро потоньше? Обнаружив на столе магическое послание библиотекаря с предупреждением, Коркоран только рассердился. Ну и что, что его первокурсники взяли в библиотеке пятьдесят четыре книги? Что в этом такого? В конце концов, он именно потому и отобрал их себе, что они выделяются среди прочих! Коркоран тут же позабыл о записке и посвятил следующие два дня тому, что окунал железные шары в разные магические растворы.

За эти два дня Поликант успел обойти всех друзей Эльды, а вслед за ним – «Алая книга Костамары», и «Циклина», и все прочие. «Алая книга» никому не показалась столь захватывающей, как Рёскину, но Поликант и впрямь заморозил всех, а Фелим так увлекся чудесами «Тангенциальной магии», что совершенно выкинул из головы угрозу пришествия ассасинов и едва не забыл о необходимости посещать лекции Вермахта. Чтобы вытащить Фелима на лекции, Ольге приходилось заходить к нему в комнату и щелкать пальцами у него перед носом, словно и впрямь снимая чары. А очутившись в аудитории, Фелим угрюмо смотрел на Вермахта и время от времени качал головой.

Впрочем, теперь, прочитав эти книги, они все стали относиться к Вермахту подобным образом. Как выразилась Ольга, стоя вместе с остальными у памятника Поликанту после очередной лекции, теперь слушать Вермахта было все равно что пытаться расслышать однуединственную каплю посреди ливня. Магия оказалась настолько шире!

– Но смотри, Фелим, не качай больше так головой на Вермахта, – предупредила она. – Похоже, этот урод уже опомнился.

Это действительно было так. Первые полдня после угрозы Коркорана Вермахт держался тише мыши. Он добросовестно диктовал заголовки, чертил свои схемы, а на студентов почти не глядел. Потом снова принялся поглаживать бородку. На следующее утро назвал Рёскина «эй, вы, громогласный!» – по счастью, гном в это время обдумывал один сложный абзац из «Теоремы мысли» и его не услышал – и начал было говорить Лукину «эй, вы...», но вовремя спохватился и сказал: «Вы, с золотым блокнотом!» К обеду он, похоже, решил, что если вовсе не обращать внимания на Эльду – хотя не обращать внимания на огромного золотого грифона, восседающего в заднем ряду Северной лаборатории, было затруднительно, – то Коркорану будет не за что его увольнять. И вот после обеда он величественно, как всегда, вошел в аудиторию, поставил на кафедру свои песочные часы и, поглаживая бородку, обернулся к студентам.

– Сегодня, – сообщил он, – нам полагалось учиться возжигать огонь. Однако, по всей видимости, некто забрал все предназначенные для сегодняшнего занятия свечи. Быть может, этот некто желает признаться?

Он обвел студентов орлиным взором, столь грозным и обвиняющим, что многие съжились и принялись вспоминать, не натворили ли они и в самом деле чего-нибудь в этом духе. Красивое лицо Ольги осталось спокойным и равнодушным.

– Ну что ж, – сказал Вермахт, когда, судя по часам, истекло минут пять. – Сдается мне, что в наши ряды затесался закоренелый преступник. В таком случае нам придется заняться значительно более сложной темой. Запишите в тетрадах: «Возжигание магического пламени». Подчеркните. Оставьте тетради открытыми и встаньте.

Ножки стульев заскрежетали по каменным плитам – все встали.

– Протяните перед собой обе руки, сложив ладони горстью.

Эльда поспешно поднялась на задние лапы. Ее парта заскрежетала еще противнее. Вермахт погладил бородку и сделал вид, что ничего не заметил.

– Теперь сядьте и запишите в тетрадах точное описание позы, в которой вы стояли.

Снова заскрипели стулья. Все принялись строчить.

– Так. Теперь встаньте и снова примите ту же позу.

Все снова принялись вставать. Вермахт засунул большие пальцы в проймы своего одеяния и принялся расхаживать взад-вперед.

– Хорошо. Повыше, вы, в подержанной куртке! Ближе к подбородку. Да, так лучше. Теперь сосредоточьтесь и отыщите свой внутренний центр. О том, как это делается, написано под десятым большим заголовком в конспектах от прошлой недели. Сядьте и найдите это место в своих тетрадах. Там должно быть написано, что... Вы, громогласный, ищите, ищите!.. Что ваш внутренний центр... Вы, в подержанной куртке! Я сказал, смотреть в конспектах!.. Ваш внутренний центр представляет собой небольшое трехмерное солнцеподобное тело, которое у мужчин располагается прямо под грудиной, а у женщин – в районе пупка. Теперь встаньте и отыщите его у себя.

Все снова встали, на этот раз уже несколько устало, снова сложили ладони и лапы горсточкой... Но это был еще не конец. Вермахт, самодовольно расхаживая взад-вперед, то и дело поднимал и сажал их, точно сержант на плацу, до тех пор пока даже Эльда не сбилась со счета.

Наконец он сказал:

– Да, так лучше. А теперь, находясь в этой позе и концентрируясь на своем внутреннем центре, плавно перенесите часть энергии из своего центра в ладони.

Воцарилось напряженное молчание. Все пытались выполнить то, что им было сказано.

– Думайте, думайте! – снисходительно бросил Вермахт. – Представьте пламя у себя в ладонях...

– Так бы сразу и сказали! – буркнул Рёскин.

– Вы, громогласный! Вы что-то сказали? – ядовито осведомился Вермахт.

Рёскин ничего не ответил. Он просто стоял, и лицо его было освещено снизу широким языком пурпурного пламени, пляшущего в широких гномьих ладонях. Вермахт насупился.

Тут несколько студентов, стоящих ближе к кафедре, радостно вскрикнули и подняли вверх голубые круглые огоньки.

– Очень хорошо! – покровительственно произнес Вермахт.

После этого голубые огоньки стали вспыхивать по всей Северной лаборатории, словно зажигаясь друг от друга.

– На молнию похоже, – сказала Ольга.

Она стиснула зубы и внезапно вызвала высокий язык зеленого пламени, раздвоенный наверху. Языки, сплетаясь, взметнулись едва не до потолка.

– Ох ты! – воскликнул Лукин.

Ему тоже удалось возжечь пламя, но его голубой огонек плясал почему-то не в ладонях, а в небольшой ямке посреди парты.

Вермахт издал гневный возглас и зашагал в заднюю часть лаборатории.

– Ну разумеется, эти никак не могут без выкрутасов! Вы, в подержанной куртке, возьмите свое пламя. Бережно, бережно... Берите-берите, оно вас не укусит. А вы, девушка с длинным носом, сделайте пламя поменьше! Немедленно представьте, что оно уменьшается, пока вы не испортили потолок!

Ольга гневно взглянула на Вермахта и сумела укротить свою ручную молнию: теперь язык пламени стал не больше фута высотой. Лукин наклонился и аккуратно, заботливо, как цыпленка, взял свой голубой огонек в ладони. Вермахт сердито, растопырив пальцы, взмахнул рукой над партой, и отверстие закрылось.

– В чем дело? – осведомился Вермахт у Лукина. – Такое впечатление, будто вас так и тянет ко всяким дыркам!

Лукин не успел ничего ответить – Вермахт уже обернулся к Фелиму. Тот небрежно играл с ярким, небесно-голубым, узким языком пламени, держа его на одной ладони.

– Двумя руками, я сказал!

– А что, есть какие-то причины делать это непременно двумя руками? – вежливо осведомился Фелим.

– Да, есть! Перемещение огня мы будем проходить на следующей неделе, – ответил Вермахт.

Эльда все это время стояла с закрытыми глазами, мучительно разыскивая свой внутренний центр. Ей до сих пор так и не удалось его обнаружить. Она расстроилась и огорчилась. Ведь все остальные, похоже, без труда нашли это место! Но теперь, после Поликанта, Эльда спросила себя: «Почему?» Ответ нашелся тут же. Грифоны ведь не люди! Значит, и центр у нее должен располагаться где-то в другом месте. Эльда прекратила разыскивать его у себя в животе и принялась прислушиваться к собственному телу. Да вот же он! Славная, яркая, вращающаяся подобно волчку «суть Эльды» находилась внутри ее грудной клетки, под мощными грифоньими ребрами. Более того, в глубине души она всегда знала, что именно там этот внутренний центр и находится.

Она почувствовала, как что-то щекочет ей передние лапы.

Эльда открыла глаза и с восхищением воззрилась на большой, прозрачный, грушевидный язык золотисто-белого пламени, дрожащего между ее когтей.

– Ой, как красиво! – воскликнула она.

Теперь из всех студентов одна только Клавдия оставалась без пламени. Вермахт отвернулся от Фелима и обнаружил, что Клавдия стоит с закрытыми глазами, закусив губу и вся сморщившись от напряжения.

– Нет-нет! – воскликнул Вермахт. – Откройте глаза! Пламя необходимо видеть мысленно.

Клавдия открыла глаза и покосилась на Вермахта.

– Я закрываю глаза потому, что вы меня отвлекаете, – объяснила она. – Понимаете, я невезучая, и для меня все это очень сложно.

– Невезение – это предрассудок! – заявил Вермахт. – Вы просто неправильно направляетесь свою энергию. Смотрите на сложенные ладони и сосредоточьтесь.

– Я это и делаю! – ответила Клавдия. – Пожалуйста, отодвиньтесь.

Но Вермахт нависал над Клавдией, и все прочие тоже на нее глазели. Эльда подумала, что девушка вот-вот разрыдается. И как раз в тот момент, когда сама Эльда непременно бы разревелась, Клавдия сказала:

– Да ну его!

И уронила ноющие от усталости руки.

И почти все, кто был в лаборатории, воскликнули:

– Вот оно!

– Где – вот? – сердито осведомилась Клавдия.

Вермахт взял ее тощую правую руку и развернул запястьем к Клавдии.

– Не знаю, как вам это удалось, – сказал он, – но оно здесь. Смотрите сами.

Клавдия ошеломленно и угрюмо уставилась на маленький бирюзовый огонек, пляшущий у нее на запястье.

– Я же вам говорила, что я неудачливая, – сказала она.

– Чепуха! – фыркнул Вермахт и вернулся к кафедре.

– Теперь втяните пламя обратно к своему центру, – распорядился он.

Это оказалось удивительно легко для всех, даже для Эльды, хотя у нее душа болела – так не хотелось расставаться с чудесным полупрозрачным огоньком!

– Сядьте, – приказал Вермахт.

Все послушно заскрипели стульями.

– Запишите все, что вы сейчас говорили и делали. И вы, неудачница, тоже. Прекратите любоваться своим уродством, уберите его и сядьте.

– Но я же не могу! – возразила Клавдия. – Я не понимаю, как я это сделала.

– Тогда стойте, пока не додумаетесь, – сказал ей Вермахт. – Конспект допишете потом.

А остальные пусть описывают весь процесс так точно, как только смогут.

Все принялись писать. Одна Клавдия стояла потерянная, пытаясь стряхнуть с руки свой огонек, пока наконец Эльда не вспомнила собственный опыт и не прошипела ей:

– Задавай себе вопросы, как Поликант!

Клавдия уставилась на Эльду, потом сказала:

– А-а!

Огонек исчез. Клавдия села и сердито принялась писать.

– Очевидно, я у него теперь буду «вы, неудачница!», – сказала она остальным, когда студенты хлынули во двор.

– Присоединяйся к нашему клубу! – сказал Лукин. – Эх, вот бы к кому ассасинов подослать!

Фелим вздрогнул и посерел.

– Не бойся, Фелим, – сказала Эльда. – Ты ведь защищен такими заклятиями, каких еще свет не видывал!

Время показало, что Эльда была права.

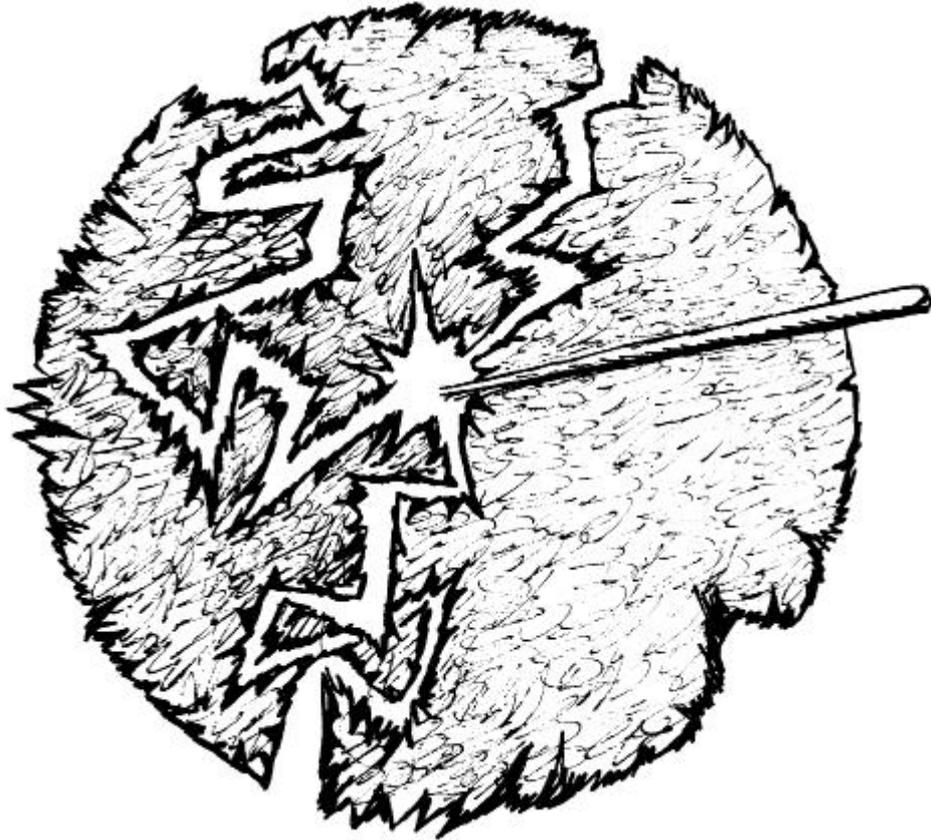
В тот же вечер, около полуночи, Коркоран запер свою лабораторию, собираясь отправиться спать. Его комнаты располагались в Доме заклинателей, на том же этаже, что и библиотека, рядом с комнатами Финна и казначея Денча. Они трое были единственными волшебниками, что проживали в университете. Все прочие жили в городе. Коркоран вышел во двор, окунувшись в прозрачный холодный туман, от которого его руки, едва прикрытые рукавами футболки, покрылись гусиной кожей. Университет сейчас выглядел как нельзя романтично. Царила глухая тишина – что было весьма странно, учитывая обычаи студентов. Лишь несколько золотистых окошек горели в высоких зданиях с башенками, окружавших двор. Башенки были словно черные непроглядные силуэты, наложенные на темно-синее бархатное небо. Лишь кое-где их слабо подсвечивали огни города, лежащего за стенами университета. А над туманом, бок о бок с башней обсерватории, висела луна. Луна была видна только наполовину и походила на огромный надкушенный персик, плывущий над сизоватыми облаками. Коркоран залюбовался ею. Он остановился, прислонясь к статуе волшебника Поликанта и неотрывно глядя туда, куда ему так хотелось попасть. Такая далекая, такая недоступная... Но его лунный корабль уже наполовину готов! Еще несколько лет – и его мечта исполнится.

– Я сделаю это! – сказал он статуе волшебника Поликанта и хлопнул ее по каменным ногам.

И тут, словно по сигналу, раздался невообразимый грохот. Если вы способны представить себе одновременный гул сорока гонгов и сотни жестяных подносов, по которым колотят лопатами и топорами, в то время как на десяти звонницах трезвонят во все колокола, а с башни обсерватории на землю рушится тысяча телег кирпича и такое же количество кастрюль, то вы можете получить некоторое представление о том, что это был за грохот. И одновременно с ним, едва слышный за этим грохотом, раздался зычный голос.

– ОПАСНОСТЬ!!! – ревел голос. – НАПАДЕНИЕ!!!

Коркоран с перепугу ухватился за статую и так и застыл. Ему казалось, будто у него голова выворачивается наизнанку от этого грохота. Он смутно слышал вой, доносящийся от главных ворот, – это сторож-вервольф от неожиданности сменил облик. Значит, от него помощи не дождешься... Но ведь Коркоран, в конце концов, был волшебником! Он знал, что должен что-нибудь сделать. Звон, гром и грохот неслись, казалось, со всех сторон одновременно, но зычный голос слышался явно из Дома заклинателей. Коркоран поспешно соорудил магические затычки для ушей и бегом бросился к центральному входу в здание.

5

– Студенты шалят, – пробормотал Коркоран.

Он распахнул двери Дома заклинателей и зажег все лампы, не утруждая себя поисками выключателей. То, что Коркоран увидел, так ошеломило его, что он застыл как вкопанный, не обращая внимания на то, что двери у него за спиной захлопнулись сами собой и заперлись на магический замок.

Широкая лестница была погребена под горой песка. И гора эта все росла и росла. Серовато-белый песок сыпался и сыпался, каскадами стекая вниз и расплзаясь по холлу. За то время, что Коркоран стоял и смотрел, песка прибывло вдвое. Казалось, будто его все подсыпают из громадного невидимого мешка. Но удивительнее всего было то, что какой-то человек упрямо пытался вскарабкаться по лестнице, навстречу потокам песка. Он барахтался где-то в нижней трети лестницы. Насколько мог видеть Коркоран, этот человек был одет в обтягивающую черную одежду. Вот из кучи песка вынырнула голова в черном капюшоне, показалась рука в черной перчатке, затем и то и другое затянуло неумолимо прибывающим песком. Секундой позже сбоку высунулись отчаянно брыкающиеся ноги в узких черных штанах. Но песок поглотил их почти мгновенно. Вскоре куча зашевелилась, Коркоран взглянул туда – и мельком увидел черный торс, но уже гораздо ближе к нижней площадке. К этому времени песком была завалена уже почти половина холла.

Что же теперь делать? Старшие волшебники, перед тем как уйти в отставку, предупреждали Коркорана, чтобы он был готов к самым неожиданным проказам с использованием магии. Но до сих пор ничего подобного не случилось. То ли студенты были чересчур воспитанными для таких выходов, то ли не слишком изобретательными... Но как бы то ни было, с подобным испытанием Коркоран столкнулся впервые. Он беспомощно смотрел на прибывающий песок, на черную фигуру, выныривающую с каждым разом все ниже, и голова у него шла кругом.

Тем временем лавина песка вынесла наконец человека в черном на пол нижнего этажа, и он сумел подняться на ноги. Человек был высокий, худой и выглядел на удивление угрожающе. Коркоран успел разглядеть угрюмое, каменное лицо с черными усами, но тут под черными сапогами человека в черном разверзлась огромная яма, и он с воплем рухнул туда.

«Ну, – подумал Коркоран, – по крайней мере, это не один из наших студентов». Он подошел к яме и заглянул в нее. Яма была довольно глубокая, темная, и оттуда почему-то пахло фруктами. Приглядевшись, волшебник различил в глубине бледный овал человеческого лица, перечеркнутый темной полоской усов.

– Вы ведь не студент, не так ли? – спросил он, просто чтобы удостовериться.

– Нет, – ответил человек. – Помогите! Вытащите меня отсюда!

Песок уже начал стекать в яму. Если так пойдет и дальше, минут через пять она заполнится настолько, что этот человек сумеет оттуда выбраться. Эта мысль Коркорану почему-то ужасно не понравилась.

– Извините, – сказал он, – но вы незаконно вторглись на территорию университета.

Он отступил назад и накрыл яму «непроницаемой сетью», которую обычно использовал для того, чтобы воздух из его лунного корабля не вытекал наружу.

Потом занялся песком.

Избавиться от песка оказалось гораздо сложнее, чем от человека в черном. Для начала Коркоран попытался сделать так, чтобы песок перестал прибывать, но даже это ему удалось только с третьего раза. Заклятие было решительно странное: переделка одного малоизвестного магического капкана с присоединенным к нему таймером, который необходимо было отключить прежде, чем ликвидировать основное заклинание. Но в конце концов песок все же перестал сыпаться, и Коркорану осталась только та куча, которая уже успела набраться, величиной с приличный холм. Волшебник воздел руки и повелел песку отправиться обратно в пустыню, откуда он, по всей видимости, прибыл.

Песок не шелохнулся.

Коркоран, уже порядком раздраженный, пустил в ход заклятие прозрения. Но все, что ему удалось узнать, – это что песок надо вернуть туда, откуда он взялся, как будто он этого и без того не знал! Пришлось подойти и взять с пола горсть сероватых мелких песчинок, чтобы пустить в ход более сложное заклятие постижения сути – оно требовало прямого контакта с веществом.

– Помогите! – потребовал голос из-под пола.

Коркоран стремительно развернулся – и увидел черные пальцы, вцепившиеся во внутреннюю сторону непроницаемой сети. Значит, этот человек обладает магией, да еще и на редкость силен, раз сумел добраться до верха ямы! Это Коркорану совсем не понравилось.

– Нет, – твердо ответил он. – Вы будете сидеть где сидите.

– Но ведь эта яма заполняется отравленной водой! – пропыхтел незванный гость.

Коркоран склонился над ямой и увидел, что человек висит у ее края, упершись сапогами в стенку и держась руками за сеть. А под ним, довольно близко, поблескивала темная, прибывающая на глазах жидкость. Ее запах озадачил Коркорана. Пахло какими-то фруктами. Ему вспомнился Священный Город, где он бывал с туристами, когда исполнял обязанности гида, и жрец Энскера, протягивающий ему яркий, круглый, в пупырышках плод. И Коркоран вспомнил, как он называется.

– Это всего лишь апельсиновый сок! – сказал он. – Скажите, кто вы такой, и объясните, что вы тут делаете, и тогда я вас выпущу.

– Не могу, – ответил незванный гость. – Мои уста запечатаны клятвой. Но не можете же вы допустить, чтобы я утонул в апельсиновом соке! Такая смерть недостойна мужчины!

Коркоран поразмыслил и решил, что человек в черном по-своему прав. Он вздохнул и отбросил песок в сторону.

– Ах, чтоб вас! Как вы мне надоели!

Он заставил непроницаемую сеть подняться в воздух вместе со вцепившимся в нее человеком. Человек тут же проворно протянул одну руку и ухватил Коркорана за болтающийся павлиний галстук. Галстук начал затягиваться. Коркоран отчаянно перепугался. Волшебник отчетливо видел в другой руке противника, той, которой он продолжал держаться за сеть, длинный блестящий кинжал.

Коркоран был вне себя от страха. Он отчаянно сопротивлялся. Грубая сила противостояла магии, выучка профессионального убийцы – панике мирного преподавателя. Коркоран еще успел подумать, что быть задушенным собственным галстуком ничуть не менее унизительно, чем утонуть в апельсиновом соке. Он попытался было спихнуть противника обратно в яму. Но мерзавец оказался чересчур силен. Он затянул галстук так, что Коркоран начал задыхаться, а сверкающий кинжал тянулся к правому глазу волшебника. Единственное, что спасало Коркорана, – это сеть, которая по-прежнему висела в воздухе между ними. Коркоран пытался избавиться от противника и его кинжала с помощью всех заклятий, какие только мог вспомнить. Вспоминались ему почему-то только самые странные. Поединок кончился тем, что убийца, сделавшийся в два дюйма ростом, оказался пойман и посажен в непроницаемую сеть, будто в авоську.

Коркоран поднял авоську и посмотрел на своего врага. Враг был изрядно удивлен, но и сам Коркоран удивился не меньше. Волшебник оттянул галстук. Хорошо-то как! Он весь дрожал.

– Пусть это послужит вам уроком! – хрипло сказал он пленнику.

И, не зная, что с ним теперь делать, отправил авоську под потолок и подвесил ее на массивной люстре, свисающей с каменного свода, – так она, по крайней мере, не будет путаться под ногами. И снова занялся песчаной горой.

Он взял горсть песка, пробормотал заклинание и ссыпал песок обратно на пол, спросив:

– Кто вы? Откуда вы?

В шелесте песчинок послышался ответ:

– Мы – лунная пыль. Мы с Луны.

– С Луны?!

Коркоран обернулся к лестнице и уставился на огромную кучу мелкого серовато-белого песка с немимым восторгом. Лунная пыль! Должно быть, это предзнаменование. Он подумал даже, не оставить ли ее здесь, чтобы она вдохновляла его в изысканиях, но потом сообразил, что это будет ужасно неудобно. Волшебник тут же забыл о страхе, о злости, о ноющем горле и исполнился энтузиазма. Он уже почти с нежностью думал о студенте, который это сделал. Конечно, это всего лишь дурацкая шутка, но ведь для него это добрый знак!

Коркоран сказал песку, чтобы тот убирался к себе на Луну. Песок тут же исчез – весь до единой песчинки. Перед мысленным взором Коркорана встала зримая картина того, как подействовало заклятие, – а такое с ним бывало нечасто. Песок проплыл мимо башни обсерватории, сквозь облака и спиралью потянулся к висящей над ними Луне. Волшебник улыбнулся, обернулся к яме и приказал ей тоже исчезнуть. Яма с хлюпаньем сомкнулась, оставив по себе резкий запах апельсинов.

Только тут волшебник заметил, что жуткий гам и грохот, доносившийся со двора, тоже утих. Слава богам! Наверно, это значит, что действие заклятия кончилось. Коркоран вздохнул с облегчением, ликвидировал магические затычки для ушей и начал подниматься по лестнице – гладенькой, точно ее почистили наждаком, – к себе на второй этаж.

Навстречу ему вышел волшебник Денч, казначей. Денч брел через лестничную площадку в сером халате, побитом молью, и старых шлепанцах.

– А-а, Коркоран, вы тут! – сказал он. – А я как раз к вам иду.

В руке Денч почему-то нес черного петушка, держа его за ноги.

Коркоран уставился на куренка. У него мелькнула мысль, что Денч втихомолку занимается черной магией. Не следует ли его уволить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.